

НИКОЛАС СПАРКС

*Тихая
гавань*

Спаркс: чудо любви

Николас Спаркс

Тихая гавань

«Издательство АСТ»

2010

УДК 821.111(73)-31
ББК 84 (7Coe)-44

Спаркс Н.

Тихая гавань / Н. Спаркс — «Издательство АСТ»,
2010 — (Спаркс: чудо любви)

ISBN 978-5-17-082048-1

Кэти. Женщина, много лет страдавшая от жестокости мужа. Полиция не могла ей помочь – ведь именно там служил человек, превративший ее жизнь в ад... И вот однажды терпение Кэти лопнуло. Потеряв надежду на спасение, она совершила отчаянный побег – и обрела «тихую гавань» в маленьком спокойном южном городке. Но готова ли Кэти к новым отношениям? Способна ли вновь поверить мужчине, понять его и полюбить? Даже если речь идет о таком обаятельном человеке, как молодой вдовец Алекс Уитли, который видит в Кэти не только возлюбленную и подругу, но и мать для своих детей. Алекс и Кэти идут по тонкому льду неизвестности, – а между тем муж Кэти уже начал ее поиски...

УДК 821.111(73)-31

ББК 84 (7Coe)-44

ISBN 978-5-17-082048-1

© Спаркс Н., 2010
© Издательство АСТ, 2010

Содержание

От автора	6
1	7
2	10
3	14
4	23
5	28
6	31
7	37
8	43
9	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Николас Спаркс

Тихая гавань

*Светлой памяти Пола и Эдриен Кор, моих замечательных
родственников. Скорблю и тоскую.*

Nicholas Sparks
SAFE HAVEN

© Nicholas Sparks, 2010

© Перевод. О. А. Мышакова, 2011

© Издание на русском языке AST Publishers, 2012

От автора

По завершении каждого романа я вспоминаю всех, кто помогал его созданию. Как всегда, список открывает моя супруга Кэти, которой не только пришлось мириться с перепадами настроения, которыми я порой страдаю как человек творческий, но и выдержать очень сложный год – она потеряла обоих родителей. Люблю, всей душой желаю облегчить твою горе. Сердцем я с тобой.

Хочу поблагодарить своих детей – Майлза, Райана, Лэндона, Лекси и Саванну. Майлз закончил колледж, младшая в третьем классе, и видеть, как растут твои дети, – неиссякаемый источник положительных эмоций.

Мой агент Тереза Парк заслуживает самой глубокой признательности за все усилия, благодаря которым я пишу свои книги на пределе возможностей, стараясь держаться высшей планки. Работать с вами – редкая удача!

Благодарю моего издателя Джейми Рааб, сотрудничая с которой я постиг много тонкостей писательского ремесла. Спасибо небесам за то, что в моей жизни есть такой человек.

Дениз Динови, моя приятельница по Голливуду и продюсер ряда фильмов по моим романам, источник дружбы и радости вот уже много лет, – спасибо за все, что ты для меня сделала.

Президенту «Ашет бук груп» Дэвиду Янгу, умнице и классному парню, – спасибо, что стоически терпишь, когда я опаздываю со сдачей рукописей.

Спасибо киноагентам Хауи Сандерс и Кейе Хаяшен, которые сотрудничают со мной уже несколько лет. Немалой частью своего успеха я обязан их нелегкому труду.

Дженнифер Ромателло, мой рекламный агент в «Гранд сентрал пабблишинг», занимавшаяся всеми моими романами, – я считаю себя счастливым, работая с таким человеком.

Эдна Фарли, другой мой рекламный агент, профессионал своего дела и обладательница упорного характера, как никто другой умеет сделать так, чтобы мои турне и встречи с читателями проходили как по маслу. Спасибо!

Мой юрист Скотт Шваймер, не только друг, но и редкий специалист по улаживанию узких мест в моих контрактах, – для меня большая честь с тобой работать.

Эбби Кунс и Эмили Свит, замечательный тандем из «Парк литерари груп», – моя вам искренняя благодарность за работу с зарубежными издателями, моим вебсайтом и всевозможными контрактами. Вам нет равных!

Мarti Боуэн и Вик Годфри отлично проявили себя в амплуа продюсеров «Дорогого Джона», чем заслужили мою бесконечную благодарность. Я высоко ценю столь качественное отношение к этому проекту.

Еще мне замечательно работалось с Адамом Шенкменом и Дженнифер Джибгот, продюсерами «Последней песни». Спасибо за ваш труд!

Куртенэ Валенти, Райан Кавано, Такер Тулии, Марк Джонсон, Линн Харрис и Лоренцо ди Бонавентура, вы увлеченно работали над экранизацией моих романов, и я хочу поблагодарить вас за вложенные усилия.

Спасибо Шэрон Крассини, Флэг и всем редакторам и корректорам, которые задерживались до поздней ночи, готовя к печати «Тихую гавань».

Джефф Ван Ви, с которым мы писали сценарий «Последней песни», – тебе моя благодарность за самоотверженный труд, искусство писать сценарии... и за дружбу.

1

Пробираясь на террасе ресторана между столиков, Кэти отворачивалась от атлантического бриза, лохматившего ей волосы. Удерживая три тарелки в левой руке и одну в правой, в джинсах и футболке с надписью: «Айвенз: попробуйте нашу рыбу, палтуса ради!», она несла заказы четверем молодым людям в рубашках поло. Сидевший за ближним концом стола парень улыбнулся, поймав ее взгляд. Хотя он держался с самым дружеским видом, Кэти, уходя, чувствовала, что он смотрит ей вслед. Мелоди говорила, что это киношники из Уилмингтона – ищут натуру для съемок фильма.

В зале, взяв чайник со сладким чаем, Кэти долила опустевшие стаканы клиентов на своих столиках и пошла к стойке официанток, по пути украдкой взглянув в окно.

Заканчивался апрель, и погода установилась прекрасная – небесная лазурь разлилась до самого горизонта. Спокойный, несмотря на бриз, внутренний береговой канал отражал небо словно огромное зеркало. На перилах сидели чайки, срываясь с места и пикируя между столиками всякий раз, когда кому-то случалось уронить еду.

Айвен Смит, хозяин ресторана, терпеть не мог чаек. Он называл их крылатыми крысами и уже дважды обходил террасу с вантузом¹ на деревянной ручке, пытаясь отогнать птиц.

Мелоди шепнула Кэти на ухо:

– Лучше уж чайки, чем места, где побывал вантуз. Кэти промолчала.

Она приготовила новый чайник сладкого чая и вытирала стойку, когда кто-то тронул ее за плечо. Обернувшись, Кэти увидела дочку Айвена Эйлин, хорошенькую девятнадцатилетнюю девушку с густым хвостом, работавшую в ресторане по полдня, осваиваясь с ролью хозяйки заведения.

– Возьмешь еще один столик?

Кэти оглядела столы, которые обслуживала, прикидывая объем работы, и кивнула:

– Конечно.

Эйлин сошла по ступенькам в зал.

С ближайших столов до Кэти долетали обрывки разговоров. Люди говорили о друзьях, родственниках, погоде, рыбалке. В углу двое посетителей закрыли папки с меню. Кэти поспешила к ним и приняла заказ, но не задержалась у стола поболтать, как делала Мелоди. Кэти не была сильна в светских разговорах, но работала споро, держалась корректно, и ни один клиент не оставался недоволен.

Кэти работала здесь с начала марта. Айвен нанял ее в холодный солнечный день, когда небо было цвета яйца дрозда.² Когда он сказал, что с понедельника она может выходить на работу, Кэти едва не разрыдалась прямо перед ним. Плакать она начала, придя домой. В то время она сидела без денег и практически голодала.

Долив клиентам воды и сладкого чая, Кэти направилась в кухню, где ей игриво подмигнул Рики, один из поваров. Два дня назад он звал ее куда-нибудь сходить, но Кэти отказалась, пояснив, что не хочет встречаться с кем-то из коллег. Ее не покидало предчувствие, что Рики на этом не успокоится. Оставалось лишь надеяться, что на этот раз внутренний голос ошибается.

– Клиент просто косяком идет. – Рики был худенький блондинчик на пару лет моложе Кэти и до сих пор жил с родителями. – Только вроде начинали успевать, снова работой завалили.

– Погода хорошая.

¹ Ручное устройство для прочистки труб. – Здесь и далее примеч. пер.

² Ярко-голубой цвет.

– Тогда что в ресторане делать? В такой денек нужно валяться на пляже или рыбачить. Я после смены сразу к воде.

– Ну и правильно.

– Подвезти тебя домой?

Рики предлагал это минимум пару раз в неделю.

– Нет, спасибо, я близко живу.

– Ну и что, – настаивал Рики. – Мне в удовольствие!

– Я люблю ходить пешком.

Она протянула ему талон. Рики приколот его на круг и отыскал заказ. Кэти отнесла тарелки к одному из своих столиков и выставила перед посетителями.

Ресторану Айвена было лет тридцать. Кэти скоро привыкла к завсегдатаям и проходила по залу, не задерживая на них взгляд. Она всматривалась в новые лица. Флиртующие влюбленные, выясняющие отношения пары, семьи с детьми. Обычные посетители. Никто не заходил в ресторан и не спрашивал о ней, но временами руки начинали дрожать, а спала она до сих пор при включенном свете.

У Кэти были короткие орехово-каштановые волосы, которые она подкрашивала над кухонной раковиной маленького съемного коттеджа. Косметикой она не пользовалась, зная, что ее лицо очень выигрывает от макияжа, пожалуй, даже слишком выигрывает. Она старалась регулярно покупать лосьон с защитой от ультрафиолета, но после оплаты аренды и коммунальных услуг на подобные покупки денег практически не оставалось. Средство от загара было для нее роскошью. Кэти была счастлива получить работу в ресторане, где царили комфорт и спокойствие, но еда в нем была недорогой, а стало быть, и чаевые маленькими. До этого Кэти месяца четыре сидела на вынужденной диете – из риса, бобов, пасты и овсяной каши. Под футболкой скрывались ребра, а темные круги под глазами исчезли всего пару недель назад.

– По-моему, парни тебя зацепили, – сказала Мелоди, кивнув на столик со съемочной группой. – Особенно красавчик шатен.

– А-а, – протянула Кэти, ставя вариться новую порцию кофе. То, что знала Мелоди, узнавал весь ресторан, поэтому в разговоре с ней Кэти обычно ограничивалась междометиями.

– Тебе он что, не понравился?

– Да я не обратила на него внимания.

– Как можно не обратить внимание на красивого парня? – недоверчиво спросила Мелоди.

– Не знаю, – отозвалась Кэти.

Как и Рики, Мелоди была на год-два моложе Кэти – лет двадцати пяти или около того. Ярко-рыжая зеленоглазая плутовка, она встречалась с парнем по имени Стив, доставлявшим товары для дома от магазина на другом конце города. Мелоди выросла в Саутпорте, который называла не иначе как раем для детей, семейных и пожилых и зеленой тоской для одиноких, и твердила, что обязательно уедет жить в Уилмингтон, где есть бары, клубы и много магазинов. Мелоди знала все обо всех, и Кэти про себя думала, что подруга ошиблась с профессией.

– Я слышала, тебя Рики пригласил, – сменила тему Мелоди, – а ты отказалась.

– Я не хочу гулять с коллегой. – Кэти сосредоточенно раскладывала вилки, ножи и ложки по поддонам, притворяясь полностью поглощенной этим занятием.

– Давай гулять вчетвером! Рики и Стив вместе рыбачат.

Кэти даже стало интересно, кто автор идеи – Рики, Мелоди или это плод коллективной фантазии. Вечерами после закрытия многие из персонала оставались поболтать и пропустить пару кружек пива. За исключением Кэти, все работали в «Айвенз» по несколько лет.

– Что-то не тянет, – с сомнением отозвалась она.

– Почему так?

– Обожглась однажды, – объяснила Кэти. – Встречалась уже с парнем с работы. С тех пор зареклась.

Мелоди вытаращила глаза, но тут же пошла к одному из столиков.

Кэти выложила два счета и принялась очищать грязные тарелки. Она всегда находила себе занятие, стараясь переделать побольше дел и оставаться невидимой. Не поднимая головы, она тщательно наводила чистоту на стойке. Так время проходило быстрее. Кэти не строила глазки парню с киностудии, поэтому, уходя, он не оглянулся.

Сегодня Кэти работала две смены – дневную и вечернюю. День угасал, сменяясь сумерками, и она любовалась, как на западе у горизонта небо становится из голубого серым, оранжевым и наконец желтым. Воды залива искрились, парусные лодки кренились под бризом, блестящие иглы сосен переливчато мерцали. Когда солнце опустилось в океан, Айвен включил пропановые обогреватели, и спирали засветились, как блуждающие огоньки. Лицо Кэти немного обгорело на солнце, и от жара, исходившего волнами, кожу начало пощипывать.

Рики и Мелоди заменили Эбби и Большой Дейв. Эбби была смешливой старшеклассницей, а Большой Дейв готовил ужин в «Айвенз» вот уже двадцать лет. Он был женат, имел двоих детей, на правом предплечье у него красовалась татуировка – скорпион. Весил Дейв фунтов триста, и лицо у него всегда лоснилось. Он придумывал всем прозвища. Ее он звал Кэти-Кэт.

Наплыв желающих поужинать не спадал до девяти. Когда приток клиентов начал редеть, Кэти вытерла и закрыла свою стойку и вместе с помощниками официантов начала носить посуду к посудомоечной машине. Последние посетители доедали ужин. Заметив обручальные кольца у молодоженов, с нежностью соединивших руки на столе, Кэти испытала нечто вроде дежавю: когда-то она была такой же красивой и счастливой, но очень давно и совсем недолго. А может, ей это привиделось, потому что все оказалось лишь иллюзией. Кэти отвернулась от сияющих влюбленных, желая забыть и никогда не вспоминать.

2

На следующее утро она вышла на открытую террасу с чашкой кофе – доски скрипели под босыми ногами – и облокотилась на перила. На заросшей сорняками клумбе пробивались лилии. Кэти поднесла чашку к лицу, с наслаждением вдохнула аромат кофе и отпила глоток.

В Саутпорте ей нравилось. Этот город не походил на Бостон, Филадельфию или Атлантик-Сити с несмолкающим дорожным шумом, бензиновой гарью и вечно спешащими жителями, плотным потоком затопляющими тротуары. В Саутпорте у Кэти впервые в жизни появился свой угол. Коттедж оказался не бог весть чем, зато целиком принадлежал ей, стоял в уединенном месте, и этого было достаточно. Строго говоря, коттеджей было два, и вела к ним усыпанная гравием дорога. Бывшие охотничьи домики с деревянными полами, укрывшиеся среди дубов и сосен, были построены на опушке леса, тянувшегося вдоль всего побережья. Маленькие гостиная и кухня, спальня без шкафа, но кое-какая мебель была, даже кресла-качалки на террасе имелись, а арендная плата оказалась совсем низкой. Коттедж был крепкий, но запущенный, пыльный, пустовавший несколько лет, и хозяин предложил купить все необходимое, если жиличка возьмется привести дом в порядок. Со времени переезда Кэти много времени проводила на корточках или стоя на стульях. Она драила туалет, пока там все не засверкало, терла влажной тряпкой потолок, мыла окна с уксусом и на четвереньках старательно отскребала ржавые следы и жирный налет с линолеума на кухне. Дыры в стенах она заравняла шпаклевкой, прошлась шкуркой, потом покрасила стены. В кухне – в веселый желтый цвет, а для шкафов выбрала гляцевую белую краску. Спальня стала небесного цвета, гостиная – бежевой, а на прошлой неделе Кэти натянула на диван новый чехол, отчего он стал совершенно как новый.

Теперь, когда основной объем работ был уже выполнен, Кэти любила посидеть днем на террасе с книгой, взятой в библиотеке. Кофе и книги были ее единственным удовольствием. У нее не было телевизора, радио, сотового телефона, микроволновки, машины, а личное имущество поместилось бы в дорожную сумку. Ей было двадцать семь, и раньше она была длинноволосой блондинкой без единой подруги. Она приехала сюда практически ни с чем и спустя несколько месяцев обзавелась совсем немногим. Она откладывала половину чаевых, каждый вечер опуская деньги в жестянку из-под кофе, которую прятала под террасой. Это был неприкосновенный запас на экстренный случай, и Кэти скорее согласилась бы голодать, чем прикоснуться к этим деньгам. От сознания, что у нее есть определенная сумма, Кэти дышалось свободнее, потому что прошлое не отпускало, грозя вернуться в любой момент. Оно рыскало по свету, ища ее, с каждым днем становясь все беспощаднее.

– Доброе утро, – раздался голос, прервавший ее размышления. – Вы, должно быть, Кэти!

Кэти обернулась. С просевшей террасы второго коттеджа приветливо махала рукой женщина с копной непокорных каштановых волос, в джинсах и рубашке с закатанными до локтей рукавами. На вид соседке было лет тридцать пять. Спутанные завитки удерживали темные очки, заменившие обруч. Женщина держала в руках маленький коврик, видимо, собираясь его вытряхнуть, но бросила в сторону и направилась к Кэти энергичной, свободной походкой любительницы спорта.

– Ирв Бенсон сказал, что мы будем соседками.

«Владелец», – подумала Кэти.

– А я и не знала, что сюда тоже кто-то поселится.

– Ирв и сам не знал. Он чуть со стула не упал, когда я сказала, что беру этот коттедж. – Подойдя к крыльцу, незнакомка протянула руку: – Друзья зовут меня Джо.

– Здравствуйте, – сказала Кэти, обмениваясь рукопожатием с новой соседкой.

– Погода чудо, правда? Какие деньки!

– Да, утро прекрасное, – согласилась Кэти, переступив с ноги на ногу. – Когда же вы переехали?

– Вчера днем. Вот была радость несказанная, я всю ночь чихала от пыли! Бенсон, по моему, собрал всю грязь, какую нашел, и хранил ее в моем коттедже. Не поверите, как там все запущено.

Кэти кивнула на свою дверь:

– У меня было не лучше.

– А не похоже! Я тут не утерпела, посмотрела в ваши окна, из моей кухни видно. У вас все ярко и красиво, а я сняла пыльный склеп с пауками.

– Мистер Бенсон разрешил мне покрасить стены.

– Я думаю! Он и мне разрешит покрасить, чтобы самому не возиться. Получит чистый красивый домик, а я работай! – Она криво улыбнулась. – Вы здесь давно живете?

Кэти скрестила руки на груди. Утреннее солнце начинало припекать щеки.

– Почти два месяца.

– Ох, мне столько не выдержать. Если буду чихать, как сегодня ночью, у меня просто голова отвалится. – Женщина сняла с головы очки и протерла стекла концом рубашки. – Вам нравится Саутпорт? Другой мир, не правда ли? Откуда вы... У вас выговор не местный. Вы с севера?

Помедлив секунду, Кэти кивнула.

– Так я и думала, – продолжала Джо. – К Саутпорту нужно привыкнуть. Я-то всегда его любила, но я вообще равнодушна к маленьким городкам.

– Вы здешняя?

– Я здесь выросла, потом уехала, теперь опять вернулась – старая, как мир, история. Но такой пылищи, как здесь, вы нигде не найдете!

Кэти улыбнулась. Пауза затягивалась. Джо уверенно стояла перед ней, ожидая, что скажет собеседница. Кэти сделала глоток из своей чашки, задумчиво глядя на лес, но тут же спохватилась:

– Хотите кофе? Я только что сварила.

Джо снова воткнула дужки очков в волосы.

– Знаете, я очень надеялась на приглашение. Моя кухня заставлена коробками, а машина в мастерской. Вы знаете, что такое почти сутки без кофеина?

– Нет, представить себе не могу.

– Так вот, чтоб вы знали, я настоящая кофеманка. Особенно когда требуется распаковать вещи. Я говорила, что ненавижу разбирать коробки?

– Кажется, нет.

– Для меня это самое противное – решать, куда все поставить, сажать синяки на колени, пробираясь среди ящиков. Не беспокойтесь, я не из тех, кто за каждым делом бежит к соседям, но кофе...

– Заходите. – Кэти жестом пригласила гостью в дом. – Только учтите, большая часть мебели сдавалась вместе с коттеджем.

В кухне Кэти взяла из буфета чашку, налила до краев и протянула Джо.

– Извините, у меня ни сливок, ни сахара.

– Необязательно, – заверила Джо, принимая чашку и дуя на кофе, прежде чем попробовать. – О'кей, вот кофе так кофе! Отныне вы моя лучшая подруга. Отличный вкус! Спасибо.

– Пожалуйста, – сказала Кэти.

– Бенсон говорил, вы работаете в «Айвенз»?

– Официанткой.

– А Большой Дейв там еще работает? – Кэти кивнула, и Джо продолжала: – Я его еще со средней школы помню. Он по-прежнему всем придумывает прозвища?

– Да.

– А Мелоди трещит, какие посетители красавчики?

– Каждую смену.

– А Рики? Как и раньше, приударяет за новенькими?

Получив в ответ еще один утвердительный кивок, Джо рассмеялась:

– Нет, этот ресторан просто вечен!

– Вы тоже в нем работали?

– Нет, но это же маленький городок, без «Айвенз» нам как без муниципалитета. Чем дольше здесь живешь, тем отчетливее понимаешь, что в Саутпорте секретов не существует. Здесь все всё друг о друге знают. Некоторые, вроде той же Мелоди, возвели сплетню в степень искусства. Когда-то это бесило меня до безумия, но в Саутпорте половина жителей такие. Чем тут заниматься, помимо сплетен...

– Но вы же вернулись.

Джо пожала плечами:

– Ну да. Что тут скажешь? Не иначе, чокнулась. – Она снова отпила кофе и показала в окно. – Знаете, сколько живу, даже не слышала об этих коттеджах.

– Владелец говорил, раньше охотничьи домики были частью зеленой зоны, он недавно начал их сдавать.

Джо покачала головой:

– Как же это вы решились здесь поселиться?

– Ну а вы сами?.. – удивилась Кэти.

– Да, но я согласилась, зная, что буду не единственной женщиной в конце гравийной дороги, ведущей в никуда. Это же какая-то Богом забытая глухомань!

«Поэтому я была просто счастлива снять этот дом», – подумала Кэти, а вслух сказала:

– Да нет, тут нормально. Я уже привыкла.

– Надеюсь, я тоже привыкну. – Джо подула в чашку. – А что вас привело в Саутпорт? Наверняка не блестящие карьерные перспективы в «Айвенз»! У вас здесь родственники, родители? Братья, сестры?

– Нет, никого, – ответила Кэти.

– Бойфренд привез?

– Нет.

– Просто взяли и переехали?

– Да.

– И за каким же лешим вам это понадобилось?

Кэти промолчала. Эти вопросы ей задавали Айвен, Мелоди и Рики. Она понимала, что за расспросами не кроется никаких мотивов, кроме естественного любопытства, но все равно не знала, что отвечать.

– Хотела начать все заново.

Джо сделала еще глоток, обдумывая услышанное, но, к удивлению Кэти, больше не спрашивала, только кивнула.

– Тогда понятно. Иногда человеку необходимо начать все заново. Я считаю, это достойно восхищения. Не у всех достанет смелости так поступить.

– Думаете?

– Знаю, – заверила Джо. – Что у вас сегодня на повестке дня? У меня – сплошные стены, нелюбимая распаковка и уборка, пока руки до локтей не сотру.

– Мне днем на работу, а кроме этого – ничего особенного. Хочу сходить в магазин, кое-что прикупить.

– В «Фишерс» или в город поедете?

– Собиралась в «Фишерс».

– Хозяина уже знаете? Седой такой?

Кэти кивнула:

– Видела пару раз.

Джо допила кофе и со вздохом поставила чашку в раковину.

– Ладно, – сказала она с неохотой. – Хватит тянуть. Если я не начну сейчас, это никогда не закончится. Пожелайте мне удачи.

– Удачи, Джо.

Женщина чуть шевельнула ладонью в знак прощания:

– Приятно было познакомиться, Кэти.

Из кухонного окна Кэти видела, как Джо поднимает и вытряхивает коврик. Она казалась вполне дружелюбной, но Кэти не была готова к появлению соседки. Может, и к лучшему, что теперь есть к кому зайти, но Кэти уже привыкла жить одна.

Впрочем, она понимала, что проживание в маленьком городке рано или поздно сведет на нет ее добровольную изоляцию – ведь надо же работать, делать покупки, ходить по улицам! Завсегдатаи «Айвенз» с ней уже здоровались. Кэти не могла не признать, что ее развлек непринужденный разговор с уверенной в себе Джо. Она безотчетно чувствовала – в ней также есть нечто, внушающее доверие. К тому же Джо одинока, а это безусловный плюс. Кэти не хотела даже думать, как отреагировала бы, окажись у нее сосед, а не соседка, и впервые удивилась, отчего она ни разу не задумалась о подобной возможности.

Вымыв чашки, она поставила их в буфет. – До боли знакомая процедура – мыть две чашки после утреннего кофе. – И на секунду ее захлестнула прежняя жизнь. Руки задрожали. Стиснув их в судорожной хватке, Кэти глубоко дышала, пока дрожь не унялась. Два месяца назад у нее бы так быстро не получилось. Даже две недели назад она мало что смогла бы поделаться. Ее радовало, что приступы неудержимой тревоги стали гораздо реже, но с другой стороны, значит, она постепенно успокаивается, а это пугало Кэти. Внутренний комфорт приведет к спаду настороженности и ослаблению бдительности, чего допускать нельзя.

И все равно Кэти радовалась, что попала в Саутпорт, этот исторический городок с населением в несколько тысяч, возникший когда-то в месте слияния реки Мыс Страха с Внутренним береговым каналом. Здесь были тротуары, затененные вековыми деревьями, и цветы, прекрасно чувствовавшие себя на соленой почве. С ветвей деревьев свешивался испанский мох, за высохшие стволы цеплялась пуэрария. Кэти смотрела, как дети катаются на велосипедах или играют в кикбол, восхищалась числом церквей – чуть ли не на каждом углу. Вечерами свою нескончаемую песнь заводили цикады и лягушки. Кэти снова подумала, что ей здесь легко, с самого начала было как дома. Здесь безопасно. Городок словно манил к себе, обещая убежище.

Кэти надела свою единственную обувь – поношенные кроссовки «Конверс». В комод было пусто, еды в кухне почти не осталось, но выйдя из дома в солнечный свет и шагая к магазину, Кэти подумала: «Я дома». С наслаждением вдыхая сильный аромат гиацинтов и свежескошенной травы, она поняла, что много лет не знала такого счастья.

3

Волосы у него побелели, когда ему едва исполнилось двадцать, вызвав беззлобное подтрунивание приятелей. Это произошло не постепенно, когда то там, то здесь появляются седые волоски. Нет, в январе он ходил жгучим брюнетом, а к следующему январю у него не осталось ни единого черного волоса. Старших братьев подобная причуда судьбы миновала – у них только недавно засеребрились виски. Ни мать, ни отец не могли объяснить подобную игру природы: насколько все знали, такой ранней седины, как у Алекса Уитли, не было в роду ни с той, ни с другой стороны.

Впрочем, ему это не мешало, а в армии даже способствовало скорейшему продвижению по службе. Алекс служил в подразделении криминальных расследований, расквартированном в Германии и Грузии, и в течение десяти лет занимался расследованиями преступлений, совершенных военными, – от самоволок до краж со взломом, домашнего насилия, изнасилований и даже убийств. Повышали его регулярно, и в отставку в тридцать два года он ушел майором.

Закончив военную карьеру, он перебрался в Саутпорт, родной город жены. В ожидании появления первенца он думал поискать работу в полиции, но тесть предложил купить у него семейный бизнес.

Магазин был старомодный, деревенский, с белой деревянной обшивкой, голубыми жалюзи, навесом над входом и скамейкой рядом – такие заведения давно пережили свой золотой век и почти исчезли. Жилые комнаты находились на втором этаже. Полдома затеняла огромная магнолия, у входа рос могучий дуб. Асфальтом была покрыта только часть паркинга – другая была засыпана гравием, но площадка часто пустовала. Тесть открыл торговлю еще до рождения Карли, когда в этих краях мало что было, кроме фермерских земель, гордился своей способностью понимать людей и старался иметь в наличии все, что им может понадобиться, отчего в магазине всегда было тесновато. Алекс соглашался с тестем и вел дело, почти ничего не меняя. Пять или шесть проходов занимали продукты, гигиенические и косметические товары, холодильники у дальней стены ломились от колы, воды, пива и вина. Ряды банок с маринованными огурцами и вареным арахисом и корзинки со свежими овощами находились поближе к кассе. И, как в любом универсальном магазине, имелись стенды с чипсами, леденцами и прочей мелочью, которую люди обыкновенно берут, стоя у кассы. Впрочем, на этом сходство с супермаркетом заканчивалось. На здешних полках можно было найти самое замысловатое рыболовецкое снаряжение и свежую наживку, а в углу стоял гриль, на котором Роджер Томпсон, когда-то работавший на Уолл-стрит и переехавший в Саутпорт в поисках жизни попроще, жарил бургеры, сэндвичи и хот-доги. Рядом с грилем были столики. В магазине Алекса можно было брать напрокат компакт-диски, продавалась самая разная экипировка, дождевики и зонты, имелся небольшой ассортимент бестселлеров и классических романов. Здесь имелись также свечи зажигания, приводные ремни, канистры для бензина, а еще Алекс делал дубликаты ключей от машин на станочке в подсобном помещении.

У него было три бензоколонки у парковки и еще одна позади магазина, на причале для яхт – единственное место, где можно было заправиться помимо порта. Со стороны причала был второй вход в магазин.

К его удивлению, подбирать ассортимент оказалось совсем не трудно. Некоторые товары расходились всегда, другие нет. И прежний хозяин, и Алекс обладали редкой интуицией в отношении того, что нужно покупателям, – они сразу видели, за чем пришел человек. Алекс всегда подмечал и запоминал то, чего не замечали другие, – качество, очень помогавшее ему в свое время в подразделении криминальных расследований. Он постоянно менял ассортимент в попытке приладиться к изменчивому вкусу покупателей.

Алекс в жизни не думал, что придется заняться торговлей, но решение купить магазин оказалось удачным хотя бы потому, что он имел возможность присмотреть за детьми. Джош уже школьник, но Кристен пойдет в школу только осенью, поэтому она проводила дни в магазине. Он устроил ей местечко для игры за прилавком, и его умница-болтушка осталась очень довольна. Хотя ей было всего пять лет, она уже научилась управляться с кассой и отсчитывать сдачу. Она становилась на табурет, чтобы дотянуться до кнопок, и Алекса забавляло выражение лиц впервые заглянувших в магазин покупателей, когда Кристен начинала пробивать их покупки. Однако это нельзя было назвать идеальными условиями для ребенка, пусть малышка и не знала ничего другого.

Про себя Алекс признавал, что дети и магазин отнимают у него все силы. Иногда ему казалось, что он просто зашивается – нужно было собрать Джошу завтрак и отвезти его в школу, заказать товары у поставщиков, встретиться с оптовиками и обслуживать покупателей, одновременно забавляя дочку. Вечером было вообще не присесть. Он честно старался уделять детям максимум внимания – ездил с ними на велосипедах, запускал змеев и удил рыбу с Джошем, но Кристен обожала играть в куклы, рисовать и мастерить всякие поделки, а в этом он был не силен. Добавьте сюда приготовление обеда и уборку комнат, и сразу станет понятно, что он едва справлялся. Даже уложив детей спать, Алекс не мог расслабиться – всегда ждали какие-то дела. Он уже не верил, что сможет когда-нибудь отдохнуть.

Дети засыпали, но остаток вечера он проводил в одиночестве. Хотя в городке он знал практически всех, настоящих друзей у него было мало. Дружба с семьями, к которым они с Карли ходили бывало на барбекю или обеда, постепенно сошла на нет. Отчасти, конечно, от того, что работа в магазине и заботы о детях забирали все время. Однако Алекс чувствовал еще одну причину – знакомым с ним некомфортно, он стал ходячим напоминанием о том, что жизнь непредсказуема и страшна и что все может разлететься в одну секунду.

Его жизнь состояла из работы на износ с изрядной долей самоизоляции, но его поддерживали мысли о Джоше и Кристен. Ночные кошмары, мучившие детей после смерти Карли, стали гораздо реже. Когда малыши с плачем просыпались ночью, отец брал их на руки и баюкал, шепча, что все будет хорошо, пока они снова не засыпали. Дети посещали психолога, рисовали картинки и рассказывали о своих чувствах, но помогало это меньше, чем ожидал Алекс. Время от времени, когда он раскрашивал альбомы с Кристен или ловил рыбу с Джошем, дети вдруг притихали, и Алекс знал – они скучают по маме. Кристен иногда говорила об этом детским дрожащим голоском, и слезы катились по ее щекам. В такие минуты у него разрывалось сердце, потому что он ничего не мог изменить. Психолог заверил, что дети быстро оправляются от горя и, если окружить их любовью, ночные кошмары постепенно прекратятся и слезы станут реже. Время показало, что врач был прав, но теперь Алекс столкнулся с другой стороной потери, не меньше надрывавшей ему сердце. Дети приходили в себя, но их воспоминания о маме неуклонно слабели, словно выцветали. Они были совсем маленькими, когда не стало Карли, – четыре и три года; значит, неизбежно придет время, когда мама превратится в зыбкое воспоминание. Этого не избежать, но Алекс не мог перенести, что сын и дочь не будут помнить смех Карли, нежности, с которой она держала их младенцами, то, как сильно она их любила.

Он не любил фотографировать, это Карли не расставалась с фотоаппаратом, вот и остался целый ворох снимков его и детей, и только на нескольких была она. Хотя Алекс, рассказывая детям о маме, всегда листал фотоальбом, его не покидало чувство, что рассказы превращаются... просто в рассказы. Связанные с ними чувства теряли форму, как песочные замки, смываемые волнами. То же случилось и с портретом Карли, висевшим в его спальне. В первый год после свадьбы он настоял сделать студийный снимок супруги, несмотря на ее протесты, и остался очень доволен. С фотографии смотрела красивая, независимая, волевая женщина, пленившая его сердце, и ночью, когда дети давно спали, он порой не сводил взгляда с лица жены со смятением в душе. А Джош и Кристен проходили мимо.

Он часто думал о жене и скучал по общению с Карли – дружба была краеугольным камнем их счастливого брака. В глубине души Алекс знал – ему снова хочется этого. Он был одинок, пусть и не любил это признавать. Много месяцев после похорон он решительно не мог представить себе отношений с другой женщиной, не говоря уже о новой любви. Даже через год он гнал от себя подобные мысли – боль была слишком сильна, память слишком свежа, но несколько месяцев назад он возил детей в аквариум, и, когда они стояли у бассейна с акулами, Алекс заговорил с красивой женщиной, стоявшей рядом. Она тоже не носила обручального кольца и пришла с детьми. Малыши оказались ровесниками Джоша и Кристен, и пока вся четверка бродила вдоль стеклянной стенки резервуара, показывая пальчиками на акул, женщина засмеялась над шуткой Алекса и вдруг показалась ему привлекательной, живо напомнив о том, что когда-то у него было. Разговор вскоре сошел на нет, и они разошлись, но, выходя, Алекс увидел, что новая знакомая машет ему на прощание. Ему остро захотелось подбежать и попросить номер телефона, однако он остался стоять, глядя, как ее машина выезжает с парковки. Больше он эту женщину не видел.

Он думал, что вечером на него нахлынет сожаление и он станет упрекать себя за нерешительность, но ничего такого не случилось. Собственное поведение не казалось ему неправильным, оно выглядело... нормальным. Не попыткой самоутвердиться, не опьянением перспективами, а просто нормальным, и Алекс понял, что начинает приходить в себя. Он не был готов посвятить себя холостой жизни. Если больше не сложится, значит, судьба. А если сложится? Алекс рассудил, что разберется, когда кто-нибудь появится, и готов был ждать, пока не встретит ту, которая вернет радость в его жизнь и будет любить его детей не меньше, чем он. Однако Алекс сознавал, что шансы найти такую женщину в Саутпорте ничтожны – городок слишком мал. Практически все, кого он знал, были либо замужем, либо на пенсии, либо ходили в местную школу. Не так много было кругом одиноких женщин и еще меньше тех, кто согласился бы пойти за вдовца с детьми, а другие варианты отпадали. Может, он и тяготится одиночеством, может, ему и не хватает общения, но детьми он жертвовать не станет – и без того они достаточно натерпелись. Сын и дочь всегда будут его главной заботой.

И все-таки Алексу казалось, что его дело небезнадежное. Его заинтересовала одна девушка, хотя он почти ничего о ней не знал, за исключением того, что она не замужем. С начала марта она заходила в магазин раз или два раза в неделю. В первый свой визит она показала ему бледной немочью – он не взглянул бы на такую второй раз. Люди, приезжавшие в Саутпорт, часто заходили в магазин за колой, бензином или каким-нибудь сникерсом, и Алекс редко видел их снова, но эта девушка на них не походила. Она бесшумно бродила вдоль стеллажей, словно призрак в человеческом облике, низко опустив голову, всячески стараясь быть незаметной. Впрочем, ей это не удавалось: она была слишком красива. На вид ей можно было дать лет двадцать восемь. С самодельным коротким каре, без косметики, с высокими скулами и большими, широко расставленными глазами незнакомка казалась элегантной и хрупкой.

Когда девушка впервые подошла к кассе, Алекс увидел, что она еще красивее, чем казалась издали. У нее были зеленовато-ореховые глаза с золотистыми искрами, а короткая рассеянная улыбка таяла так же быстро, как и появлялась. На прилавок девушка выложила самые простые товары: кофе, рис, овсянку, макароны, арахисовое масло и кое-какие предметы гигиены. Алекс интуитивно понял, что попытка завязать разговор только создаст неловкость, поэтому пробивал покупки молча. И тут он услышал ее голос.

– А фасоль у вас есть? – спросила она.

– Простите, не бывает, – ответил он.

Складывая ее покупки в пакет, он заметил, что девушка смотрит в окно, рассеянно покусывая нижнюю губу. Отчего-то ему показалось, что она сдерживает слезы.

Он кашлянул.

– Если вы часто будете брать фасоль, я охотно ее привезу. Вы какую предпочитаете?

– Не хочу вас затруднять, – ответила она почти шепотом.

Девушка расплатилась мелкими купюрами, взяла пакет и вышла. К его удивлению, она пересекла парковку не задерживаясь, и когда он понял, что она пришла пешком, это еще сильнее подогрело его любопытство.

На следующей неделе в магазине появилась фасоль. Алекс привез три сорта – пеструю, обыкновенную и лимскую круглую, правда, всего по одному пакету, и когда девушка снова пришла, сообщил, что бобы можно найти на нижней полке в углу, возле риса. Она принесла к кассе все три пакета и спросила, нет ли у него лука. Он показал на сетки с луком в огромной корзине у двери, но девушка покачала головой.

– Мне только одну луковицу, – пробормотала она с неуверенной, извиняющейся улыбкой. Ее руки дрожали, когда она положила на прилавок деньги. И опять она ушла пешком.

С этого дня всегда были в продаже и фасоль, и луковицы по одной, и в последующие недели девушка стала кем-то вроде постоянного клиента. Время шло, и она, по-прежнему тихая, уже не выглядела такой истощенной и нервной. Черные провалы под глазами исчезли; погода стояла хорошая, и девушка немного загорела. Она пополнела – чуть-чуть, так, что тонкие черты лица стали мягче. Голос тоже стал сильнее, и хотя это ничего ему не обещало, она научилась дольше не опускать взгляд. Они почти не говорили, если не считать коротенького: «Вы нашли все, что хотели? – Да, спасибо», – но теперь, вместо того чтобы высказывать из магазина, как испуганная лань, она оставалась немного побродить между рядами и даже заговаривала с Кристен, если рядом никого не было. Алекс впервые увидел новую клиентку без привычного панциря. Непринужденность и мягкое выражение лица говорили о привязанности к детям, и Алекс понял, что в эти моменты видит ее такой, какой она была прежде и какой сможет стать снова – в нормальных обстоятельствах. Кристен тоже заметила перемену, потому что после ухода девушки сказала папе – у нее появилась новая подруга по имени мисс Кэти.

Это, впрочем, не означало, что Кэти готова общаться и с ним. На прошлой неделе, болтая с Кристен, она, как заметил Алекс, читала аннотации на обложках книг на стеллаже, но ничего не выбрала. Когда на кассе он имел неосторожность спросить, кто ее любимый автор, девушка вновь съежилась от страха и тревоги.

– Ничего-ничего, – поспешил прибавить он. – Не важно, забудьте.

В дверях она остановилась, держа пакет на согнутой руке.

– Диккенс, – едва слышно сказала она и вышла, быстро зашагав по дороге.

Сейчас Алекс думал о ней все чаще, но мысли были неясные, почти таинственные, сопровождаемые сознанием того, что он не против познакомиться ближе. Но он не знал, как к этому подступиться. Не считая года ухаживаний за Карли, у него не было опыта романов. В колледже после учебы и занятий плаванием у него не оставалось времени на девушек. В армии он думал исключительно о карьере, работая сверхурочно и неуклонно поднимаясь по служебной лестнице. Он пробовал знакомиться, но романы всякий раз оказывались мимолетными, из тех, что начинаются и ограничиваются постелью. Иногда, оглядываясь назад, он не узнавал человека, в которого превратился, и знал, что причиной тому Карли. Да, порой ему было тяжело и одиноко. Он тосковал по жене и готов был поклясться, хотя никому не говорил об этом, что Карли и сейчас рядом, присматривает за ним и старается устроить так, чтобы у него все было в порядке.

...Благодаря прекрасной погоде покупателей в воскресенье было больше, чем обычно. Когда в семь утра магазин открылся, у причала уже покачивались три пришвартованные моторки, дожидаясь своей очереди заправиться. Как обычно, расплачиваясь за бензин, владельцы лодок спрашивали еду, напитки и пакеты льда. Роджер с самого утра как надел фартук, так и не имел возможности отойти от гриля, а за столами теснились люди, жуя сэндвичи с сосиской или чизбургеры и советуясь, какие акции нынче лучше брать.

Обычно Алекс работал за кассой до полудня, а потом передавал бразды правления Джойс, которая, как и Роджер, заметно облегчала ему жизнь. Джойс, до выхода на пенсию

работавшая в суде, досталась ему, можно сказать, вместе с магазином – тесть Алекса нанял ее десять лет назад. Хотя она разменяла восьмой десяток, энергии у нее ничуть не убывало. Она овдовела много лет назад, дети разъехались, поэтому к покупателям Джойс относилась как к родным. Престарелая кассирша была такой же частью обстановки, как товары на полках.

Она считала, что дети не должны с утра до вечера сидеть в магазине, а ей нужно поддерживать форму, поэтому, придя на работу, сразу становилась за кассу и начальственно говорила Алексу, что он свободен. Не отказывалась она и от роли няньки: только ей Алекс оставлял детей, если приходилось уезжать. За последнюю пару лет это случалось всего два раза, когда он встречался в Рейли со старым другом-сослуживцем, но Алекс все равно считал Джойс подарком небес: она неизменно его выручала.

В ожидании Джойс Алекс обошел стеллажи, оглядывая полки. Компьютер, конечно, упрощал мониторинг ассортимента, но Алекс знал, что колонки цифр не всегда точно отражают истинную ситуацию. Порой идеи приходили в голову, когда он своими глазами видел, что раскупили накануне. Прибыль зависела от скорости товарооборота, поэтому Алекс держал товары, которых не было в супермаркетах. Он привозил домашние варенья и желе, порошковые приправы «по секретным рецептам» с запахом говядины и свинины и местные консервированные фрукты и соленья. Даже те, кто обычно делал покупки в «Фуд лайон» или «Пиггли уиггли», часто заезжали сюда по пути домой взять местные деликатесы, за наличием которых Алекс тщательно следил.

Еще больше объема продаж его интересовало, когда товар лучше расходуется, – информация, которую далеко не всегда можно узнать из цифр. К примеру, увидев, что хот-доги нарахват по выходным и почти не пользуются спросом в будни, а обычный хлеб наоборот, Алекс начал предлагать эти товары в нужные дни, и продажи выросли. Мелочь, но разумный подход помогал скромному бизнесу держаться на плаву, когда сетевые супермаркеты разорили множество маленьких магазинов.

Наметанным глазом замечая ситуацию на полках, Алекс рассеянно соображал, что бы придумать на сегодня, и решил устроить велосипедную прогулку. Карли ничего так не любила, как усаживать детей в велосипедную коляску и раскатывать по всему городу. Но одних велосипедов на все воскресенье не хватит. Может, в парк съездить? Детям понравится.

Бросив взгляд на стеклянную дверь, – убедиться, что новых покупателей пока нет, – Алекс торопливым шагом прошел к задней стене магазина – к выходу на причал, чтобы взглянуть на сына. Джош удил рыбу на дальнем конце причала – рыбная ловля была его страстью. Алексу не понравилось, что Джош сидит один так далеко, – многие осудили бы отца за легкомыслие, но причал целиком просматривался на видеомониторе возле кассы. Оставаться в пределах видимости было строжайшим правилом, и Джош его неукоснительно соблюдал. Кристен, как обычно, сидела за столиком в углу за кассой. Она разложила одежду своей куклы «Америкэн герл» в несколько стопок и наряжала ее, то и дело переодевая. Каждый раз, подбрав очередной вариант, она поднимала глазки и с веселой невинной улыбкой спрашивала, нравится ли ему кукла в этом платье. Словно отец мог сказать, что не нравится...

Малютки способны растопить самые черствые сердца.

...Алекс выравнивал приправы, когда звякнул звонок. Он поднял голову и увидел Кэти.

– Здравсте, мисс Кэти, – сказала Кристен, высовываясь из-за кассы. – А вам нравится моя кукла?

Со своего места Алекс едва видел головку Кристен над прилавком. В ручонке она держала... Ванессу? Ребекку? Как бы ни звали куклу с каштановыми волосами, со стороны Кэти было очень любезно обратить на нее внимание.

– Очень красиво, – отозвалась Кэти. – Это у нее новое платье?

– Нет, оно у нее уже было. Но в последнее время она его не носила.

– А как ее зовут?

– Ванесса, – сказала она.

«Ванесса», – подумал Алекс. Теперь он похвалит наряд Ванессы как правильный, внимательный отец.

– Это ты ее так назвала?

– Нет, имя тоже продавалось. А вы можете помочь надеть ей сапожки? Я не умею ее обувать.

Кристен протянула Кэти куклу, и девушка начала колдовать над мягкими пластмассовыми сапожками. По опыту Алекс знал, что с ними не так легко сладить, как может показаться, а маленькой девочке нипочем не натянуть Ванессе сапожки. Он раньше сам порядком мучился, но у Кэти все выходило легко и без усилий. Протянув куклу девочке, она спросила:

– Ну как?

– Прекрасно, – похвалила Кристен. – Как вы считаете, надеть на нее пальто?

– Но на улице не холодно.

– Я-то знаю, а вот Ванесса иногда замерзает. Наверное, лучше надеть. – Головка Кристен исчезла за прилавком и снова высунулась. – А какого цвета? Синего или фиолетового?

Кэти коснулась пальцами губ с пресерьезным выражением:

– Мне кажется, лучше фиолетового.

Кристен кивнула:

– Я тоже так считаю. Спасибо.

Кэти улыбнулась и сразу отвернулась к стеллажам, с преувеличенным вниманием разглядывая полки, видимо, почувствовав на себе его взгляд. Алекс передвинул банки с горчицей и соусы ближе к краю полки, краем глаза глядя, как Кэти взяла маленькую пластмассовую корзину и пошла в другой проход.

Алекс вернулся к кассе. Когда мисс Кэти посмотрела на него, он помахал рукой:

– Доброе утро.

– Здравствуйте. – Она попыталась заправить пряжку за ухо, но волосы были слишком короткими. – Я только взять кое-какие мелочи.

– Скажите, если что-нибудь не найдете. Иногда товар приходится перекладывать.

Она кивнула и направилась дальше по проходу. Встав за кассу, Алекс взглянул на монитор. Джош на прежнем месте удил рыбу, а к причалу медленно швартовалась лодка.

– Пап, как тебе? – Кристен потянула отца за штанину и показала куклу.

– Ух ты, какая красавица! – Алекс присел на корточки. – И пальто нарядное. А что, Ванесса мерзнет?

– Ага, – отозвалась Кристен. – Но она хочет пойти на качели, поэтому придется снова ее переодеть.

– Качели – это здорово, – сказал Алекс. – Может, в парк сходим? Хочешь покачаться?

– Я не хочу, это Ванесса хочет. И вообще это игра, пап!

– О, – сказал Алекс выпрямляясь. – Ну ладно.

«Значит, парк накрылся», – подумал он.

Моментально уйдя в свой собственный мир, Кристен снова начала раздевать куклу. Алекс посмотрел на монитор, проверяя, как там Джош, но тут в магазин заглянул полуголый подросток в длинных шортах и протянул скомканные купюры.

– За заправку на причале, – выпалил он и тут же выскочил на улицу.

Алекс пробил заказ и настроил бензоколонку, когда к кассе подошла Кэти. Стандартный набор плюс тюбик солнцезащитного крема. Когда она украдкой поглядела через прилавок на Кристи, Алекс заметил редкий меняющийся цвет ее глаз.

– Нашли все, что хотели?

– Да, спасибо.

Он начал складывать покупки в пакет.

– Мой любимый роман Диккенса – «Большие надежды», – дружелюбно начал он, стараясь завязать разговор. – А ваш?

Девушка ответила не сразу, явно удивившись, что он помнит ее ответ о Диккенсе.

– «Повесть о двух городах», – негромко ответила она.

– Хороший роман, но с печальным финалом.

– Поэтому мне и нравится, – сказала она.

Зная, что она пойдет пешком, Алекс опустил пакет с покупками в другой, для надежности.

– Раз вы уже познакомились с моей дочерью, надо, наверное, и мне представиться, – сказал он. – Алекс. Алекс Уитли.

– А ее зовут мисс Кэти, – тут же сказала Кристен из-за его спины. – Я тебе уже говорила.

Алекс покосился на дочь через плечо, а когда обернулся, Кэти с улыбкой протягивала деньги.

– Можно просто Кэти.

– Рад знакомству. – Он нажал нужные кнопки, и ящик кассы со звоном выехал. – Я так понял, вы живете где-то рядом?

Она не ответила. Взглянув на нее, Алекс увидел одни глаза, расширенные от ужаса. Резко обернувшись к монитору, он увидел то же, что и Кэти: Джош барахтался в воде, мелькали рукава рубашки. У Алекса перехватило дыхание. Ведомый инстинктом, он выскочил из-за прилавка и пулей пролетел через торговый зал ко второму входу, задев по дороге упаковку бумажных полотенец, которые после этого разлетелись по полу. Рванув на себя дверь, как молодой перепрыгнул через живую изгородь, срезая путь. Не замедляя бега, пронесся по деревянным плашкам и прыгнул в воду, уже видя, как захлебывается Джош, беспорядочно двигая руками.

С колотящимся о ребра сердцем Алекс описал в воздухе длинную дугу и врезался в воду в паре футов от Джоша. Здесь было неглубоко, футов шесть, и ноги почти до колен ушли в мягкий, неслежавшийся ил. Алекс рванул вверх, заранее вытянув руки, чтобы схватить Джоша.

– Держу! – закричал он. – Я тебя держу!

Но Джош вырывался и кашлял, не в силах отдышаться, и Алексу пришлось его удерживать, пока он выбирался с ним на мелководье. С предельным напряжением сил он выбросил Джоша на заросший травой берег, лихорадочно вспоминая, как делают искусственное дыхание и промывают желудок. Он пытался уложить Джоша, но мальчик не давался, дергаясь и кашляя, и хотя Алекса трясло от волнения, он подумал, что умирающие так не отбиваются.

Он не знал, сколько прошло времени, – наверное, всего несколько секунд, но показалось много дольше, – когда Джош наконец зашелся судорожным кашлем, изо рта полилась вода, и впервые он смог вздохнуть. Резкий вдох снова вызвал кашель, но это уже выходили остатки воды из горла. Джош глубоко дышал, еще не опомнившись от страха и начиная понимать, что произошло.

Он потянулся к отцу, и Алекс прижал его к груди. Джош заплакал, вздрагивая всем телом, и Алексу стало по-настоящему плохо при мысли о том, что могло случиться. А если бы он не обратил внимание, что Кэти смотрит на монитор? Что, если бы он упустил драгоценные секунды? Представив ответы на эти вопросы, он задрожал почти так же, как Джош.

Выплакавшись, мальчик произнес первые слова после того, как отец вытащил его из воды.

– Папочка, прости, – всхлипнул он.

– Ты меня тоже прости, – прошептал Алекс, не отпуская сына, словно боясь, что время повернет вспять и на этот раз финал окажется иным.

Разжав наконец руки, он заметил, что на них gazeет небольшая толпа, набежавшая ко второму входу в магазин. Тут был и Роджер, и покупатели, жевавшие гамбургеры; вытягивали

шеи и двое незнакомцев – видимо, только что подошли. Была тут и Кристен, и Алекс почувствовал себя никудышным родителем, потому что его малышка на руках Кэти плачет, боится и хочет к папе.

* * *

Только когда отец и сын переоделись в сухое, Алекс выяснил, как все произошло. Роджер готовил детские гамбургеры и жареную картошку, а они вчетвером сидели за столом у гриля, не проявляя, впрочем, к еде никакого интереса.

– Леска зацепилась за отходившую моторку. Я не хотел потерять удочку, думал, крючок не выдержит, соскочит, но меня сдернуло с причала, и я наглотался воды, пробовал дышать и не мог, и меня как будто что-то потащило на дно. – Джош поколебался и добавил: – Удочку я, кажется, выпустил.

Кристен сидела рядом с братом с красными, заплаканными глазами. Она попросила Кэти не уходить, и девушка осталась, держа малышку за ручонку.

– Ничего, я пошарю на дне. Если не найдем, привезу тебе новую, но в следующий раз сразу руки отдергивай, понял?

Джош шмыгнул носом и кивнул.

– Извини, пап, – сказал он.

– Ладно, бывает, – успокоил его Алекс.

– Теперь ты меня непустишь удить рыбу...

«Пустить, рискуя тебя потерять?! Ни за что на свете».

– Потом обсудим.

– А если я пообещаю в следующий раз отпускать удочку?

– Потом, потом поговорим. Сейчас давай поешь.

– Я не хочу.

– Верю. Но сейчас время обеда, надо что-то съесть.

Джош потянулся к жареной картошке, взял маленькую горсть и нехотя принялся жевать. Кристен сделала то же самое. За столом она всегда копировала брата. Это доводило Джоша до белого каления, но сейчас у него не осталось сил возмущаться.

Алекс повернулся к Кэти, сглотнул слюну, отчего-то заволновавшись, и спросил:

– Можно вас на минуту?

Она встала из-за стола, и он отвел ее в сторону. Когда они отошли достаточно далеко и дети не могли их слышать, Алекс кашлянул и сказал:

– Спасибо вам за все.

– Я ничего не сделала! – запротестовала она.

– Нет, сделали, – сказал он. – Если бы вы не смотрели на монитор, я бы не узнал, что происходит, и мог опоздать. – Он помолчал. – И спасибо, что присмотрели за Кристен. Она самая чудесная малышка на свете, но очень чувствительная. Спасибо, что не оставили ее одну и подождали, пока мы ходили наверх переодеваться.

– Я ничего особенного не сделала, – настаивала Кэти. В наступившей паузе она вдруг спохватилась, что они стоят совсем близко друг от друга, и отступила на полшага. – Мне правда нужно срочно идти.

– Подождите, – попросил Алекс и быстро пошел к холодильникам у дальней стены. – Вы вино пьете?

Она покачала головой:

– Иногда, но...

Не успела она договорить, как Алекс открыл дверцу и достал бутылку шардоне.

– Пожалуйста, – сказал он. – Я хочу, чтобы вы взяли. Это очень хорошее вино. Вы, конечно, не думаете, что здесь можно найти хорошее вино, но меня научил разбираться в винах бывший сослуживец, любитель-эксперт. Он и сейчас советует, какое вино закупать. Вам понравится, вот увидите!

– Вы вовсе не обязаны...

– Это самое малое, что я могу сделать, – улыбнулся Алекс. – Позвольте мне хоть так выразить благодарность.

Впервые за время их знакомства Кэти выдержала его взгляд.

– Ладно, – согласилась она наконец.

Алекс собрал ее покупки, девушка ушла, и он вернулся к столу. После уговоров Джош и Кристен доели обед, а Алекс пошел на причал поискать на дне удочку. Когда он вернулся, за кассой Джойс уже надевала фартук, и Алекс повел детей кататься на велосипедах. После этого он отвез их в Уилмингтон, где они посмотрели кино и съели пиццу, – старый запасной план на выходные. Солнце уже село, когда они, уставшие, добрались до дома, приняли душ и натянули пижамы. Алекс лежал на кровати между сыном и дочкой и целый час рассказывал сказки, а потом погасил свет.

В гостиной он включил телевизор и некоторое время переключал каналы, но у него не было настроения что-нибудь смотреть. Он снова подумал о Джоше, и хотя сын спокойно спал в своей комнате, сердце Алекса сжалось от пережитого ужаса и тоскливого ощущения своей отцовской несостоятельности. Он старался, как мог, и любил своих детей, как мало кто любит, но этого все время оказывалось недостаточно.

Позже, когда Джош и Кристен уже давно спали, он пошел на кухню и взял из холодильника пиво. Утреннее происшествие не шло из головы, но сейчас он думал о том, как Кристен обнимала Кэти, уткнувшись головкой ей в шею.

Последний раз он видел этот дочкин жест при жизни Карли.

4

Дни летели. Апрель сменился маем. Посетителей в ресторане все прибывало, и стопка банкнот в кофейной банке стала приятно толстой. Кэти больше не боялась, что ей не на что будет уехать, если вдруг придется.

После оплаты коттеджа, воды, электричества и покупки еды у нее впервые за несколько лет стали оставаться деньги – немного, но достаточно, чтобы появилось ощущение легкости и свободы. В пятницу утром она зашла в «Анна джинс», магазин эконом-класса, где продавалась одежда секонд-хенд. Все утро ушло на поиски, но в конце концов Кэти купила две пары обуви, две пары брюк, шорты, три стильные футболки и несколько почти новых на вид блузок. Большинство приобретений оказались фирменными. Кэти поражало, как это у некоторых женщин может быть столько одежды, чтобы задаром отдавать то, что обошлось в небольшое состояние.

Когда она вернулась домой, Джо на крыльце вешала «музыку ветра». После первой встречи им как-то не удавалось поговорить. Работа Джо, какой бы она ни была, отнимала много времени, а Кэти в своем ресторане брала столько часов, насколько хватало сил. По ночам она видела свет в соседнем коттедже, но для посиделок было поздновато, а в выходные Джо куда-то уезжала.

– Давненько не общались, – помахала рукой соседка, тронула металлические палочки и прошла через двор под мелодичный аккомпанемент.

Кэти дошла до террасы и поставила сумки.

– Ты куда-то уезжала? Джо пожала плечами:

– Нет. Но ты же знаешь, как это бывает. Поздно ложишься, рано встаешь, носишься туда-сюда. Тянут в разные стороны, разорваться мне, что ли... – Она показала на кресла-качалки. – Можно? Очень хочется передохнуть. Я все утро делала уборку и только что повесила эту штуку, мне, знаешь, нравится звон...

– Пожалуйста, – сказала Кэти.

Джо села и покрутила плечами, разминая мышцы.

– Ты загорела, – заметила она. – На пляж ходила?

– Нет. – Кэти отодвинула один из пакетов и поставила на ступеньку ногу. – Я брала несколько добавочных дневных смен и работала на уличном лотке.

– Солнце, океан – что еще нужно? Работать в «Айвенз» – это ж прямо каникулы!

Кэти рассмеялась:

– Ну, не совсем. А ты отдыхала?

– Нет для меня сейчас ни сна, ни отдыха. Утром я хотела зайти и выклянчить чашку кофе, но ты уже ушла. – Она вопросительно посмотрела на пакеты.

– Я ходила по магазинам.

– Вижу. Нашла что-нибудь?

– Да, – призналась Кэти.

– Ну, не сиди же просто так, покажи, что купила!

– Неужели тебе правда хочется посмотреть?

Джо засмеялась:

– Я живу в глуши, в коттедже, у которого заканчивается насыпная дорога, и все утро мыла шкафы. Чем же мне интересоваться, кроме чужих покупок?

Кэти села во второе кресло-качалку, вынула из пакета джинсы и протянула Джо. Та подняла джинсы и придирчиво рассмотрела с одной и другой стороны.

– Ух ты! – восхитилась она. – В «Анна джинс» купила? Обожаю этот магазин.

– Как ты догадалась, что я была в «Анна джинс»?

– Так не во всяком же здешнем магазине такие вещи! Это из шкафа какой-нибудь богачки. И вещи там в основном практически новые. – Опустив джинсы, Джо пощупала строчку на карманах. – Очень красивые! Мне нравится фасон. – Она вытянула шею, заглядывая в пакет. – А еще что у тебя там?

Кэти подавала вещи по одной, слушая, как Джо заходится от восторга над каждым приобретением. Когда пакет опустел, соседка вздохнула:

– Да, зачетный шопинг. Мне завидно. А что, в магазине больше ничего подобного не осталось?

Кэти пожала плечами, вдруг смутившись.

– Извини, – сказала она, – я пробыла там довольно долго.

– Ну и молодец. Это же сокровища!

Кэти кивнула на коттедж Джо:

– Как продвигается ремонт? – спросила она. – Красить начала?

– Нет пока.

– Много работы?

Джо сделала забавную мину.

– Правду сказать, когда я распаковалась и вымыла дом снизу доверху, у меня силы кончились. Хорошо, что мы с тобой подруги: можно заглянуть сюда, где все такое яркое и жизне-радостное...

– Заходи в любое время.

– Спасибо, это очень мило с твоей стороны. Однако злой мистер Бенсон грозит завтра привезти краску, поэтому я буду здесь оба дня. Меня приводит в ужас перспектива провести выходные перемазанной краской.

– Это же нетрудно – начать и кончить...

– Ты эти руки видишь? – начала Джо, поднимая ладони. – Они созданы ласкать красавцев и любят дорогой маникюр и бриллиантовые кольца. Не этим ручкам держать кисти, малярные валики и вообще заниматься физическим трудом.

Кэти улыбнулась:

– Хочешь, чтобы я помогла с ремонтом?

– Нет, вот это точно нет. В умении тянуть и откладывать в долгий ящик мне нет равных, но я не хочу, чтобы ты считала меня еще и неумехой. Если я за что-то берусь, получается хорошо.

Стайка жаворонков пролетела сквозь кроны деревьев, слаженно маневрируя почти в музыкальном ритме. Пол слегка поскрипывал под полозьями кресел-качалок.

– А кем ты работаешь?

– Да, в общем, консультантом.

– В школе? Психологом?

– Нет, – покачала головой Джо. – Ко мне обращаются, чтобы справиться с горем.

– О, – удивилась Кэти. – Никогда о таком не слышала.

Джо пожала плечами.

– Хожу к людям и стараюсь помочь. Обычно после смерти кого-нибудь из близких. – Джо помолчала и заговорила мягче: – На такие события реакция бывает самая непредсказуемая, и моя задача подвести людей к «принятию» случившегося. Не люблю это слово, кстати. Никогда не встречала человека, который с готовностью смирился бы с утратой. Но в этом заключается моя работа. Как бы тяжело ни было, принятие новых условий помогает жить дальше. Но... – Не договорив, она ногтем принялась счищать с кресла лупившуюся краску. – Порой всплывают и другие проблемы. В последнее время я и с этим работаю. Иногда людям требуется не только психологическая помощь.

– Благородная профессия.

– Да. Хотя и непростая. – Джо повернула голову к Кэти: – А ты-то сама?
– Ты же знаешь, я работаю в «Айвенз»!
– Но ты ничего не рассказываешь о себе.
– Да почти нечего рассказывать, – возразила Кэти, желая уйти от этой темы.
– Так не бывает, у каждого своя история. – Джо сделала паузу. – Например, почему ты приехала в Саутпорт?

– Я говорила, – напредила Кэти. – Я хотела начать все заново.
Джо пристально смотрела куда-то сквозь Кэти, обдумывая ее ответ.
– Ладно, – сказала она наконец совсем другим, легким тоном. – Это действительно не мое дело.

– Я не то имела в виду...
– Да нет, как раз то, только выразилась вежливо. Не стану настаивать. Ты права, это не мое дело. Просто учти, когда ты говоришь, что хочешь начать все заново, психолог во мне задается вопросом, зачем тебе это и почему ты не хочешь вспоминать о прошлом.

Кэти непроизвольно напряглась. Почувствовав возникшую неловкость, Джо мягко сказала:

– Давай вот как сделаем. Забудь мой вопрос, но если захочешь поговорить по душам, я готова в любой момент. Я умею слушать, особенно подруг. Веришь или нет, но иногда беседа помогает.

– А что, если я не могу говорить об этом? – отчего-то шепотом спросила Кэти.
– Тогда можно вот как: забудь, что я психолог. Мы просто подруги, а подруге можно рассказать обо всем – например, где ты родилась и что любила в детстве.

– Это так важно?
– В этом-то все дело. Но ты не обязана говорить ничего, о чем не хочешь разговаривать. Кэти некоторое время обдумывала услышанное, глядя на Джо прищуренными глазами:
– А ведь ты настоящий профессионал своего дела.
– Стараюсь, – скромно согласилась та.

Кэти сплела пальцы, пристроив руки на коленях.

– Ну ладно. Родилась я в Алтуне...

Джо качнулась назад:

– Никогда там не была. Красивый город?
– Типичный городок у железной дороги, – сказала Кэти. – Таких десятки. Городок, где живут славные, трудолюбивые люди, которые всего добиваются своим трудом. Красивый, особенно осенью, когда начинается листопад. Раньше я думала, что Алтуна самое красивое место на свете. – Кэти опустила глаза, охваченная воспоминаниями. – У меня была подруга по имени Эмили, мы с ней подкладывали пенни на рельсы, а когда поезд проходил, карабкались на насыпь искать монетки и всякий раз поражались, как стиралась чеканка и кругляши становились совершенно гладкими. Иногда монеты были еще горячими, однажды я чуть пальцы не обожгла. Когда я думаю о своем детстве, вспоминается вот такое баловство.

Кэти пожала плечами, но Джо молчала, ожидая продолжения.

– Ну вот. В Алтуне я пошла в школу и доучилась до выпускного, но к тому времени, не знаю... Я как бы устала, что ли... Мне все приелось, понимаешь? Жизнь в маленьком городке, где один выходной похож на другой, где одни и те же люди ходят на одни и те же дискотеки, те же мальчишки пьют пиво в кузовах своих пикапов. Мне хотелось чего-то большего, но в колледж не пошла и, в общем, оказалась в Атлантик-Сити. Там я работала, потом ездила еще, смотрела жизнь, и вот через несколько лет оказалась здесь.

– В очередном маленьком городке, где годами ничего не меняется?
Кэти покачала головой:
– Нет, здесь все иначе. Здесь я чувствую себя...

Она замялась, и Джо закончила за нее:

– В безопасности?

Изумленный взгляд Кэти развеселил соседку.

– Нетрудно догадаться. Как ты сказала: решила начать все заново, а где лучше всего начинать жизнь заново? В маленьком городке, где ничего не происходит... – Она запнулась: – Почти ничего. Я слышала о мелком происшествии пару недель назад. Ну, когда ты заходила в магазин.

– Как, ты и об этом знаешь?

– Городок-то маленький, ничего не скроешь. Так что случилось?

– Ничего веселого, кстати. Я говорила с Алексом и случайно посмотрела на монитор. Наверное, он увидел, что я изменилась в лице, потому что в следующую секунду кинулся через зал, как молния. До монитора дотянулась Кристен и сразу расплакалась. Я подхватила ее на руки и пошла за Алексом. Когда мы вышли, он уже вытащил Джоша на берег. Слава Богу, обошлось.

– Да уж, – кивнула Джо. – Как тебе Кристен? Милая девчушка, правда?

– Она зовет меня мисс Кэти.

– Я ее обожаю, – сказала Джо, подтянув колени к груди. – Неудивительно, что вы поледили и что, испугавшись, она потянулась к тебе.

– Почему ты так считаешь?

– Потому что Кристен весьма проницательна. Она чувствует, что у тебя доброе сердце.

– Может, она просто испугалась за братика, а когда папа выбежал, я одна оставалась рядом? – скептически предположила Кэти.

– Не надо себя недооценивать. Говорю тебе, у детей хорошая интуиция, – настаивала Джо. – А как Алекс? После случившегося, я имею в виду.

– Ну, он был очень взволнован, но держал себя в руках.

– Ты с ним общаешься?

Кэти небрежно пожала плечами:

– Минимально. Со мной он всегда вежлив, привозит то, что мне нужно, но и только.

– Да, он внимательно относится к людям, – уверенно сказала Джо.

– По-моему, ты хорошо его знаешь.

Джо качнулась в кресле.

– Надеюсь, что да.

Кэти ждала продолжения, но Джо молчала.

– Не хочешь об этом поговорить? – невинно поинтересовалась Кэти. – Иногда беседа помогает, особенно дружеская.

Глаза Джо сверкнули.

– Я сразу заподозрила, что ты гораздо умнее, чем стараешься выглядеть. Ловить меня в мою же ловушку! Как не совестно?

Кэти улыбнулась, но ничего не ответила, в точности скопировав манеру Джо. К ее удивлению, это сработало.

– Не знаю, что тебе рассказать, – начала Джо. – Ну, во-первых, он хороший человек, на него можно положиться в трудную минуту. Достаточно посмотреть, как он любит своих детей.

Кэти на секунду сжала губы.

– Между вами что-то было?

Джо ответила, тщательно подбирая слова:

– Да, но не в том смысле, который ты вкладываешь в вопрос. Для ясности скажу: это было давно и неправда, и теперь у каждого своя жизнь.

Кэти не знала, как это понимать, но не стала углубляться.

– А что у него случилось, кстати? Я так думаю, он разведен?

- Спроси у него.
- Вот еще, с какой стати мне спрашивать?
- Ну, меня же ты спросила, – изогнула бровь Джо. – Значит, он тебе интересен.
- Нисколько.
- И поэтому ты о нем спросила?
- Кэти нахмурилась:
- Для подруги ты довольно откровенно пытаешься мною руководить.
- Джо пожала плечами:
- Я лишь говорю людям то, что они о себе уже знают, но не хотят признаться.
- Кэти подумала над ее словами.
- Тогда я беру назад свое предложение помочь тебе с покраской дома.
- Как, ты же обещала!
- А теперь беру свои слова назад.
- Джо рассмеялась.
- Ладно, – сказала она. – Ты сегодня что будешь делать?
- Скоро пойду на работу. Уже пора собираться.
- А завтра вечером? Тоже работаешь?
- Нет, в выходной у меня выходной.
- Тогда, может быть, встретимся, поболтаем? Принесу вина, и посидим, пока краска будет сохнуть, а то я боюсь надышаться.
- Очень неплохое предложение.
- Ну и отлично. – Джо спустила ноги на пол и встала. – Стало быть, мы условились о свидании.

5

Субботнее утро выдалось ясным, но вскоре начали собираться тучи. Серые, плотные, они скручивались в толстые жгуты под заметно усилившимся ветром. Температура резко упала – Кэти даже пришлось надеть фуфайку с длинными рукавами. Магазин был в двух милях от коттеджа – полчаса энергичной ходьбы, и девушка понимала, что в ее интересах поторопиться, чтобы не попасть под дождь.

Выйдя на шоссе, она услышала первые раскаты грома и ускорила шаг, чувствуя, как густеет воздух. Мимо промчался грузовик, оставив за собой шлейф пыли, и Кэти перешла на песчаную разделительную полосу. С океана потянуло пронзительной солью. Высоко в небе краснохвостый ястреб парил, расправив крылья, на восходящих воздушных потоках, пробуя силу ветра.

Под мерный ритм ходьбы Кэти расслабилась, то и дело возвращаясь мыслями к разговору с Джо. Не к рассказанным ею историям, а к словам об Алексе. В конце концов Кэти решила, что соседка не знает, о чем говорит. Она, Кэти, просто поддерживала разговор, а Джо переворачивала сказанное так, что оно переставало соответствовать истине. Пусть Кристен прелестная малышка и Алекс кажется человеком порядочным, но зачем он ей нужен? Они едва знакомы. После инцидента с Джошем они друг другу и десяти фраз не сказали. И уж меньше всего на свете ей сейчас нужен какой-то роман.

Отчего у нее ощущение, что Джо пытается их свести?

Неизвестно, но в принципе и не важно. Кэти радовалась, что вечером Джо заглянет в гости. Нет ничего особенного в том, чтобы подругам поболтать за бокалом вина. Другие люди, другие женщины делают то же самое... Кэти наморщила лоб. Ну, может, не каждый день, но большинство не стали бы себе отказывать, если бы хотели, вот и вся разница. Как давно она не делала чего-то обычного, нормального?..

«С самого детства, – призналась она себе. – С тех пор, как подкладывала пенни на рельсы». Кэти не была до конца откровенна с Джо. Она не сказала, что убегала к железной дороге, чтобы не слышать, как ссорятся пьяные родители, крича друг на друга. Она не сказала Джо, что не однажды оказывалась между двух огней, а в двенадцать лет в нее попал обломок льда, который отец швырнул в мать. Глубокая ссадина кровоточила несколько часов, но ни мамочка, ни папочка и не подумали отвезти дочь в больницу. Кэти не сказала, каким злобным становился отец напившись, что она никогда не приглашала к себе одноклассниц, даже Эмили, не пошла в колледж, потому что родители считали это тратой времени и денег и выставили ее из дома в день окончания школы.

Может, она и расскажет об этом Джо. А может, и нет. Не так уж это теперь важно. Да, у нее было не самое лучшее детство. Да, алкоголики-родители часто сидели без работы, но, если не считать инцидента с куском льда, они никогда не били дочь. У нее не было машины, в семье никогда не праздновали день ее рождения, но Кэти не приходилось ложиться спать голодной, а осенью, как бы плохо ни шли дела, к школе у нее всегда была новая одежда. Может, у нее и не самый лучший на свете отец, но он не приходил к ней по ночам в спальню заниматься чудовищными вещами, как случилось кое с кем из ее подруг. В восемнадцать лет Кэти не считала себя несчастной. Расстроенная из-за колледжа, неопытная, не знающая, как пробиться в жизни, она не была сломленной и раздавленной. И не пропала. В Атлантик-Сити было не так уж плохо. Она познакомилась с хорошими людьми и не один вечер провела, смеясь и болтая с друзьями с работы до самого рассвета.

Нет, напомнила себе Кэти, детство вовсе не сломало ей жизнь и не причастно к настоящей причине ее приезда в Саутпорт. Джо, уже почти подруга, самый близкий в городке человек, ничего о ней не знает. И никто не знает.

* * *

– Здравствуйте, мисс Кэти, – пропела Кристен из-за маленького столика. Сегодня кукол на нем не было: перед девочкой лежал альбом для раскрашивания, и Кристен склонилась над страницей с цветными карандашами в руках, старательно раскрашивая единорогов и радуги.

– Здравствуй, Кристен. Как дела?

– Хорошо. – Девчушка подняла глазки от книги. – А почему вы всегда пешком ходите?

Кэти ответила не сразу. Она обошла прилавок и присела на корточки рядом с Кристен.

– А у меня машины нет.

– Почему?

«Потому что нет водительских прав, – подумала Кэти. – А если бы и были, машина мне не по карману». Но вслух произнесла:

– Я тебе вот что скажу: я взвешу все за и против и, возможно, куплю.

– Ладно, – сказала Кристен и подняла альбом. – Вам нравится?

– Красиво. Как ты хорошо рисуешь!

– Спасибо, – сказала малышка. – Я вам подарю, когда дорисую.

– Если тебе самой нравится, оставь рисунок себе.

– Нравится, – с гордостью подтвердила малышка. – Но я хочу вам подарить. Можете повесить себе на холодильник.

Кэти улыбнулась:

– Я так и хотела.

– Вам помочь выбрать покупки?

– Да нет, сегодня я сама справлюсь, а ты успеешь дорисовать.

– Ладно, – согласилась Кристен.

Взяв корзину, Кэти увидела, что к кассе идет Алекс. Он помахал ей, и вопреки здравому смыслу Кэти показалось, что она видит его впервые. При белой шевелюре морщинки на лице были только у глаз, и они, наоборот, подчеркивали общее ощущение жизненной силы, исходявшее от этого человека. Широкий в плечах торс красиво сужался к подтянутой талии, и становилось ясно, что Алекс никогда не переходит меру в еде и питье.

– Здравствуйте, Кэти. Как ваши дела?

– Хорошо. А ваши?

– Грех жаловаться, – улыбнулся Алекс. – Я рад, что вы зашли. Хочу вам кое-что показать. – Он кивнул на монитор, и Кэти увидела Джоша, сидящего на причале с удочкой в руках.

– Вы снова разрешили?!

– Видите, что на нем надето?

Кэти подалась поближе, напрягая глаза:

– Это у него спасательный жилет?

– Я довольно долго искал не слишком громоздкий и чтобы в нем не было жарко. Этот очень хороший. Да и выбора у меня, честно говоря, не было. Вы не представляете, как извелся парень без рыбалки. Он столько раз умолял меня разрешить, что я не выдержал и нашел выход в виде спасательного жилета.

– И Джош не против его надевать?

– А у нас новое правило: либо носи жилет, либо не ходи на причал. Впрочем, Джош не возражает.

– Рыба-то у него клюет?

– Ну не так часто, как он мечтает, но – да, кое-что ловит.

– А улов вы съедаете?

– Иногда, – кивнул Алекс. – Но обычно Джош выбрасывает рыб обратно в реку. Он не против ловить одну и ту же рыбку по десять раз.

– Славно, что вы нашли выход.

– Хороший отец подумал бы об этом заранее.

Впервые Кэти подняла на него глаза:

– Мне кажется, вы очень хороший отец.

Их глаза встретились, и лишь через несколько секунд Кэти заставила себя отвести взгляд. Алекс, почувствовав ее неловкость, нагнулся куда-то за прилавок.

– У меня для вас кое-что есть, – сказал он, ставя возле кассы пакет. – У моего фермера-поставщика своя маленькая оранжерея, они там все выращивают, сезон не сезон. Вчера как раз подбросили нам свежих овощей. Помидоры, огурцы, кабачки, патиссоны. Может, возьмете? Моя жена уверяла, что это самые вкусные дары огорода, какие ей доводилось пробовать.

– Вы женаты?

Он покачал головой.

– Простите, до сих пор оговариваюсь. Моя покойная жена. Она умерла два года назад.

– Мне очень жаль, – пробормотала Кэти, сразу вспомнив свое: «А что у него случилось?» и ответ Джо: «Спроси у него».

Значит, она знала, что жена Алекса умерла, но ничего не сказала. Странно.

Алекс не заметил, что Кэти думает о своем.

– Спасибо, – негромко отозвался он. – Карли была прекрасным человеком. Вы бы с ней поружились. – Он погрузился, но скоро справился с собой. – Так вот, она клятвенно уверяла насчет овощей этого поставщика, что никакой химии, только органика, даже урожай семья фермера до сих пор собирает вручную. Обычно этот товар разбирают моментально, но я для вас отложил немного, вдруг захотите попробовать. – Он улыбнулся. – Вы же вегетарианка! Будете в восторге, обещаю.

Кэти прищурилась.

– Кто вам сказал, что я вегетарианка?

– А что, нет?

– Нет.

– О... – Алекс смущенно сунул руки в карманы. – Ошибка вышла.

– Ничего, – сказала Кэти. – Меня и не в таком подозревали.

– Не может этого быть.

«Может», – подумала Кэти, а вслух сказала:

– Ладно, я возьму овощи. Спасибо вам большое.

6

Пока Кэти выбирала товар, Алекс топтался у кассы, посматривая на девушку краем глаза и стараясь выглядеть занятым. Он поставил прилавок ровно, проверил, как там Джош, похвалил рисунок Кристен и снова поправил прилавок.

В последнее время она изменилась. Кожа покрылась легким загаром начала лета и привлекала взгляд сияющей свежестью. Она стала не такой пугливой, взять хоть сегодняшний день. Конечно, их разговор мир не потрясет, но это же только начало!

Начало чего?

С первой встречи он чувствовал, что девушка в беде, и его инстинктивной реакцией стало желание помочь. Она была красива даже с обкорнанными волосами и в одеянии дурнушки Джейн. При виде же того, как Кэти баюкала на руках Кристен, когда Джош упал в реку, Алекс растрогался до глубины души. Еще больше умилила его реакция Кристен – малютка потянулась к Кэти как к матери.

У него сжалось горло от воспоминания об умершей жене и сознания, что детям не хватает матери. Он знал, что сын и дочь грустят, и как умел старался заменить им мать, но только увидев Кристен с Кэти, понял, что печаль – лишь часть того, что они испытывают. Детское одиночество зеркалом отразило его собственное.

Алекс даже испугался, как же он не понял этого раньше.

Кэти оставалась для него загадкой. В ней чего-то не хватало, ощущалась какая-то мучительная недосказанность. И теперь, незаметно наблюдая за девушкой, Алекс гадал, кто она такая и что привело ее в Саутпорт.

Кэти остановилась возле одного из холодильников, чего никогда не делала раньше, и рассматривала бутылки за стеклянной дверцей, сосредоточенно хмурясь, видимо, решая, что купить. И тут Алекс заметил, как она правой рукой крутит на левом безымянном пальце несуществующее кольцо. При виде этого жеста Алекс словно перенесся на много лет назад, вспомнив нечто очень хорошо знакомое и, как он думал, прочно забытое.

Эту привычку, вернее, нервный тик, он подметил еще в подразделении уголовных исследований у женщин с покрытыми синяками, обезображенными лицами. Сидя перед следователем, они судорожно цеплялись за обручальные кольца, словно за кандалы, которыми были прикованы к своим мужьям. Обычно они отрицали, что супруг их бьет, а в редких случаях, признавая побои, настаивали, что он не виноват, что сами его спровоцировали – обед подгорел, со стиркой не успели. Если же муж был пьян, всякий раз клялись, что это первый раз, и отказывались выдвигать обвинение, боясь испортить благоверному карьеру, – все знали, что в армии беспощадно относятся к инициаторам домашнего насилия.

Некоторые вели себя иначе, по крайней мере вначале, и настаивали на предъявлении обвинения. Алекс начинал писать протокол, а женщины раздраженно допытывались, как это бумажки могут быть важнее ареста виновного. Важнее восстановления справедливости! Он все равно дописывал протокол до конца и читал вслух сказанное ими же, после чего просил подписать. Бравада моментально исчезала, разъяренное выражение лица сменялось привычной миной запуганной женщины. Сколько раз дело заканчивалось отказом подписать протокол. И даже те, кто проявлял твердость, меняли решение, едва в участок привозили их мужей. Дела все равно давали ход, но жены отказывались давать показания и виновные легко отделялись. Со временем Алекс убедился, что свободы добивались только те, кто шел до конца, потому что жизнь, которую они вели, была неволей, пусть они и не хотели этого признавать.

Существует и другой способ уйти от этого ужаса, хотя на памяти Алекса только одна решилась его выбрать. Однажды у него побывала женщина, заученно отрицавшая вину мужа и винившая только себя, а через пару месяцев Алекс узнал, что она сбежала. Не к родителям,

не к друзьям, а неизвестно куда, чтобы муж не смог ее найти. Покинутый супруг пришел в ярость и после ночи возлияний попытался выместить злость на военном полицейском. Когда его за нападение посадили в Ливенуорт, Алекс удовлетворенно ухмыльнулся, а при мысли о его сбежавшей жене подумал: «Ну и правильно».

При виде Кэти, машинально вертевшей кольцо, которого не было, в Алексе проснулись сыскные инстинкты. «Значит, был муж», – решил он. Вот и недостающий элемент. Либо Кэти все еще замужем, либо нет, но она до сих пор боится этого человека.

* * *

Небо расколосось, когда Кэти протянула руку за пакетом крекеров. Сверкнула молния, через несколько мгновений оглушительно ударил гром. Его раскаты постепенно перешли в сердитое ворчанье. Джош вбежал в магазин под первыми каплями дождя, сжимая ящик со снастями и катушку. Он раскраснелся и тяжело дышал, как бегун после финиша.

– Пап, я тут!

Алекс посмотрел на сына:

– Поймал что-нибудь?

– Только сома, того самого, который всегда попадается.

– Скоро приходи обедать, ладно?

Джош вышел через заднюю дверь, и было слышно, как он пошлепал по лестнице на второй этаж.

Дождь лил стеной. Ветер прижимал водяные потоки к стеклу витрины. Толстые ветви гнулись, не выдерживая ветра, склоняясь перед сильнейшим. Потемневшее небо освещалось ослепительными молниями, от грома дрожали стекла. С другого конца магазина Алекс видел, как вздрогнула Кэти, как ее лицо стянула маска удивления и страха, и подумал: видел ли ее такой гипотетический муж.

Дверь магазина открылась, и вбежал человек, с которого на старый деревянный пол ручьями лилась вода. Страхнув воду с рукавов, он кивнул Алексу и прошел к грилю.

Кэти вновь повернулась к стойке с крекерами. Большого выбора в магазине не было, Алекс привозил только «Солтинс» и «Риц», которые хорошо раскупались. Кэти выбрала «Риц».

Прочие приобретения не нарушили сложившейся традиции, и вскоре Кэти подошла к кассе. Закончив пробивать и складывая покупки, Алекс постучал пальцем по пакету на прилавке.

– Не забудьте овощи.

Кэти посмотрела на итоговую сумму на чеке.

– Вы точно их пробрили?

– Конечно.

– А почему сумма такая, как всегда?

– Скидка для первого раза.

Она свела брови, не зная, верить или нет, заглянула в пакет, достала помидор и поднесла его к носу.

– Пахнет вкусно.

– Я вчера вечером съел несколько штук – великолепно, если чуть подсолить. А огурцы можно и так.

Кэти кивнула, глядя на дверь. Ветер яростно гнал потоки воды, ходившие волнами. Дверь поскрипывала под напором стихии, грозившей затопить магазин. Мир за стеклом слился в мутное пятно.

Посетители не торопились расходиться – Алекс слышал, как они судачат у гриля, что гроза давно собиралась.

Мужественно вздохнув, Кэти потянулась за пакетами.

– Мисс Кэти! – закричала Кристен чуть не в панике. Она поднялась из-за столика, протягивая только что раскрашенный рисунок, уже вырванный из альбома. – Вы чуть картину не забыли!

Просияв, Кэти взяла подарок. Алекс видел, как на мгновение для нее перестало существовать все, кроме рисунка Кристен.

– Красиво, – похвалила она. – С удовольствием повешу у себя.

– Следующий раз придете, я вам другую раскрашу.

– Огромное тебе спасибо.

Кристен, сияя как медный грош, уселась за столик. Кэти свернула рисунок в трубочку, стараясь не помять, и опустила в пакет. Вспышка молнии и пушечный залп грома последовали почти одновременно. Затем небо стало совсем темным.

– Вы не знаете, гроза долго будет? – спросила Кэти.

– Я слышал, дождь не прекратится большую часть дня, – ответил Алекс.

Кэти не отрываясь смотрела на дверь. Решая, как поступить, она машинально вертела отсутствующее кольцо на пальце.

В наступившей тишине Кристен потянула отца за рубашку.

– Папа, отведи мисс Кэти домой, – попросила она. – У нее нет машины, а дождь вон какой сильный.

Алекс посмотрел на Кэти, понимая, что она слышала Кристен.

– Вас подвезти?

Девушка покачала головой:

– Нет-нет, не надо.

– Картина же намокнет! – немедленно вмешалась Кристен.

Кэти не нашлась с ответом, и Алекс вышел из-за кассы.

– Пойдемте. – Кивком он показал, куда. – Незачем мокнуть, машина за магазином.

– Но я не хочу вас беспокоить!

– Никакого беспокойства. – Он похлопал себя по карману, вытащил ключи от машины и подхватил пакеты Кэти. – Разрешите поднести. Кристен, дочка, сбегай наверх, скажи Джошу, что я вернусь через десять минут.

– Ага, пап.

– Роджер! – позвал Алекс. – Присмотри за магазином и детьми, ладно?

– Нет проблем, – помахал рукой Роджер.

Алекс кивнул на дверь в конце зала.

– Готовы? – спросил он Кэти.

Они со всех ног кинулись к джипу, с трудом удерживая гнувшиеся под ветром и ливнем зонты. Молнии то и дело сверкали, заставляя бледнеть сизые тучи.

В машине Кэти принялась ладонью протирать запотевшее окно.

– Не ожидала я такого, когда решила сходить в магазин.

– Никто не ожидает, пока гроза не начнется. По радио повторяют: «Барометр падает», а когда налетает ураган, кажется, что неожиданно. Если чуть-чуть покапает, мы недовольны. Льет сильнее, чем предсказывали, снова недовольны. Погода соответствует прогнозу, опять-таки недовольны – метеорологи постоянно ошибаются, откуда было знать, что на этот раз не соврали! Прогнозы дают людям пищу для недовольства.

– Как посетителям у гриля?

Алекс, улыбнувшись, кивнул:

– В принципе, люди здесь хорошие. В основном все трудятся, живут честно и на редкость добры. Любой охотно согласился бы остаться за меня в магазине, попроси я об этом, и отчитался бы за каждый пенни. Тут так заведено. Всякий понимает: в маленьком городке не обойтись без помощи соседей, и это правильно. Правда, я к этому довольно долго привыкал.

– Вы сами не отсюда?

– Нет. Здесь родилась моя жена. Я из Спокана. Впервые увидев Саутпорт, помню, подумал: ни за что в такой деревне не останусь. Маленький южный городок, которому не интересно, чем дышит большой мир... Сначала очень непривычно, но потом это в тебя прорастает. Здесь я могу жить тем, что для меня важнее всего.

– А что может быть важнее всего? – негромко спросила Кэти.

Алекс пожал плечами:

– Ну, это для кого как. Для меня – мои дети. Здесь их дом. После пережитого им необходима стабильность. Кристен нужно место, где раскрашивать картинки и наряжать кукол, Джошу – где рыбачить, и чтобы они знали – папа рядом. Городок и магазин дают им такую возможность, и на сегодняшний день это все, что я хочу... Все, что мне нужно...

Он помолчал, думая, что рассказал слишком много.

– Кстати, куда нам ехать?

– Поезжайте прямо. Будет гравийная дорога, на нее надо свернуть. Сразу за поворотом.

– Щебенка до леса?

Кэти кивнула:

– Да, там одна дорога.

– Ого, а я и не знал, что она куда-нибудь ведет. – Он нахмурился. – Слушайте, это же очень далеко ходить! Мили две?

– Ничего не далеко, нормально, – возразила Кэти.

– Ну, в хорошую погоду может быть, но сегодня вам пришлось бы добираться до дому вплавь, под таким-то дождем. И рисунок Кристен точно пропал бы.

Он заметил, что на губах Кэти мелькнула слабая улыбка, но она ничего не сказала.

– Я от кого-то слышал, вы работаете в «Айвенз»?

Кэти кивнула:

– Да, с марта.

– И как вам там?

– Ничего. Работа как работа, владелец хорошо ко мне относится.

– Айвен?

– Вы его знаете?

– Айвена все знают. Вы в курсе, что каждую осень он одевается генералом Конфедерации в память знаменитой битвы при Саутпорте, когда Шерман сжег городок дотла? Патриотично, конечно, да только в гражданской войне не было такого эпизода. Поселок тогда даже Саутпортом не назывался, он был Смитвиллем. Шерман сюда и на сотню миль не подходил.

– Серьезно? – не поверила Кэти.

– Не поймите меня неправильно, Айвен хороший человек, его ресторан – местная достопримечательность. Кристен и Джош обожают ваши кукурузные оладьи, Айвен рад нас видеть, когда бы мы ни заявили, но иногда я отказываюсь понимать, что им движет. Его семья эмигрировала из России в пятидесятых – первая волна, иначе говоря. Небось, и не слышали о Гражданской войне в Америке, а вот Айвен целые выходные размахивает саблей посреди дороги и выкрикивает команды перед зданием суда.

– Как же это я не слышала об этом?

– У местных это непопулярная тема. Эксцентричный иностранец... Даже те, кто хорошо относятся к Айвену, увидев его посреди улицы, делают вид, что ничего не происходит, отворачиваются и демонстративно восхищаются красотой хризантем на клумбах перед судом.

Впервые за всю поездку Кэти рассмеялась:

– Я вам не верю!

– Ничего, останетесь здесь до октября, сами увидите. Но опять-таки, не поймите меня превратно: он хороший человек, и ресторан у него отличный. После пляжа мы почти всегда туда заходим. В следующий раз попросим, чтобы нас посадили за ваш столик.

Кэти поколебалась, но сказала:

– Хорошо.

– Вы ей нравитесь, – сказал Алекс. – Кристен, в смысле.

– Я ее очень люблю. Она смышленная, самостоятельная – настоящая личность.

– Спасибо. Я передам ей ваши слова.

– Сколько ей?

– Пять. Осенью пойдет в школу. Что я буду без нее делать? В магазине будет слишком тихо.

– Вы станете по ней скучать, – заметила Кэти.

Алекс кивнул:

– Еще как. В школе ей, конечно, понравится, но я люблю, когда она рядом.

Дождь по-прежнему лил стеной. Вспышки молний освещали небо с частотой стробоскопов. Не затихая, накатывались все новые раскаты грома.

Кэти, задумавшись, смотрела в боковое окно. Алекс ждал, чувствуя, что она вот-вот заговорит.

– Сколько лет вы были женаты? – спросила она наконец.

– Пять. Мы познакомились за год до свадьбы. Я увидел Карли в Форт-Брэгг, мы там были расквартированы.

– Вы были в армии?

– Прослужил десять лет. Ценный жизненный опыт. Я об этом не жалею, но не жалею и о том, что ушел.

Кэти ткнула пальцем вперед, указывая на что-то за ветровым стеклом.

– Вон впереди поворот, – сказала она.

Алекс свернул на гравий и сбросил скорость. Неровную щебенку затопило ливнем, водой из-под колес окатывало и боковые окна, и ветровое стекло. Сосредоточенно ведя джип по глубоким лужам, Алекс вдруг подумал, что впервые после смерти жены едет в машине с женщиной.

– Вам в который? – спросил он, разглядывая смутные очертания двух маленьких коттеджей.

– Мой справа.

Алекс свернул на самодельную подъездную дорожку и подъехал как можно ближе ко входу.

– Позвольте донести покупки до двери.

– Зачем же, вы не обязаны...

– Я так воспитан, – сказал он, прыгивая на землю прежде, чем Кэти успела возразить. Подхватив пакеты, бегом кинулся под навес. Он уже поставил сумки и отряхивался от дождя, когда подоспела Кэти с зонтом, который ей одолжил Алекс.

– Спасибо! – поблагодарила она, перекрикивая шум дождя.

От протянутого зонта Алекс отказался.

– Оставьте себе хоть насовсем. Раз вы много ходите, он вам пригодится.

– Я могу заплатить... – начала она.

– Не беспокойтесь об этом.

– Как же так, ведь зонт из магазина!

– Ничего, – сказал Алекс. – Поверьте, все нормально. Не хотите брать, приносите в следующий раз.

– Алекс, но правда же...

– Вы постоянный клиент, – перебил он. – А я всегда помогаю своим покупателям.

Несколько секунд она молчала.

– Спасибо, – сказала она наконец, пристально глядя на Алекса зелено-кариими глазами. –

И за то, что подвезли, спасибо.

Он улыбнулся:

– Всегда пожалуйста.

* * *

Вечный вопрос, куда девать детей, порой оставался без ответа. В выходные Алекс снова не знал, что придумать.

Из-за грозы, не собиравшейся утихать, прогулки на свежем воздухе исключались. Можно было свозить их в кино, но не было ничего интересного. Предоставить им занять себя самим? Алекс знал, что многие родители так делают. Но дети слишком малы, чтобы перекладывать организацию досуга на их плечи. Они и без того самостоятельные, привыкли придумывать, чем заняться в магазине. Поглощенный раздумьями, Алекс делал на гриле сэндвичи с сыром и поймал себя на мысли о Кэти. Она очень старалась не привлекать к себе внимание, но Алекс знал, что в маленьком городке это практически невозможно. Девушка слишком красива, чтобы не выделяться, и когда люди заметят, что она всюду ходит пешком, это неизбежно вызовет толки и интерес к ее прошлому.

Этого Алексу не хотелось. Не по каким-то эгоистическим причинам, а просто потому, что Кэти имела право на тот образ жизни, в поисках которого приехала в Саутпорт. На нормальную жизнь с простыми удовольствиями, которые большинство людей принимают как должное: возможность пойти туда, куда захочешь и когда захочешь, и ничего не бояться в собственном доме.

– Ребята, – сказал он, раскладывая бутерброды на тарелки. – Я вот что придумал: давайте подготовим сюрприз для мисс Кэти!

– Давайте! – загорелась Кристен.

Джош, от природы покладистый, просто кивнул.

7

Косой дождь лил с потемневшего неба над Северной Каролиной, заливая оконные стекла на кухне. Днем, когда Кэти постирала, что было стирать, в кухонной раковине и приклеила рисунок Кристен на холодильник, с потолка гостиной начало капать. Кэти поставила под капель кастрюлю и уже дважды выливала воду. Она решила позвонить утром Бенсону, но сомневалась, что он сразу приедет чинить крышу. Хоть бы вообще когда-нибудь починил.

В кухне она резала чеддер маленькими кубиками, то и дело пробуя. На желтой пластмассовой тарелке лежали крекеры и нарезанные помидоры с огурцами, хотя Кэти и не разложила их так, как любила. Кухня вообще выглядела не так, как ей хотелось. Когда-то у Кэти была красивая деревянная разделочная доска, и серебряный нож для сыра с кардинальской гравировкой, и большой набор бокалов для вина. У нее в кухне был обеденный стол черешневого дерева и легкие шторы на окне, а здесь стол шатается, стулья разные, окна голые, а вино им с Джо придется пить из кофейных кружек. Как ни ужасно было ее прежнее существование, раньше Кэти любила покупать мелочи под обстановку, но теперь они, как и все остальное, брошенное ею, казались ренегатами, перешедшими на сторону врага.

За окном мигнули фары машины. Отворив дверь, Кэти увидела, как соседка шагает по щиколотку в воде, закрываясь зонтом, с бутылкой вина в руке. Еще пара неловких широких шагов, и Джо поднялась на террасу. С клеенчатого макинтоша стекали струйки воды.

– Фу, теперь я поняла, каково пришлось Ною. Ничего себе гроза, а? У меня лужи по всей кухне!

– У меня течет в гостиной, – показала Кэти за плечо.

– Дом, милый дом! Вот, – протянула она бутылку. – Как обещала. Поверь, я собираюсь принять в ней активное участие.

– Трудный день?

– Ты даже представить себе не можешь.

– Входи, входи же!

– Лучше я плащ здесь оставлю, иначе в твоей гостиной будут две лужи вместо одной, – сказала Джо, выбираясь из дождевика. – Без него я бы сразу промокла насквозь.

Джо бросила плащ на кресло-качалку, положила зонт и пошла за Кэти в кухню.

Девушка сразу поставила вино на стойку и, когда Джо направилась к столу, выдвинула ящик шкафчика у холодильника, достала лежавший у задней стенки ржавый швейцарский армейский нож и отогнула штопор.

– Какая вкуснота! Умираю с голоду, с утра во рту ни крошки.

– Угощайся. Как дела с покраской?

– Ну, гостиную я закончила, но потом день не задался.

– А что случилось?

– Потом расскажу. Сперва я хочу вина. А ты? Какие у тебя успехи?

– Ничего особенного. Сходила в магазин, прибралась, постирала...

Джо присела у стола и взяла крекер.

– Ясно. Материал для мемуаров.

Кэти засмеялась, ввинчивая штопор в пробку.

– Да уж, страшно интересно.

– Может, я открою? – предложила Джо.

– Да нет, я справлюсь.

– Правильно, – усмехнулась Джо. – Я гостя, мне полагается ничего не делать.

Кэти зажала бутылку коленями, и пробка поддалась с негромким хлопком.

– Кроме шуток, спасибо за приглашение, – вздохнула Джо. – Ты представить себе не можешь, как я этого ждала.

– Неужели?

– Не надо так.

– Как?

– Притворяться, будто не догадывалась, что я хотела зайти. Скрепить нашу дружбу бутылкой вина. Друзья познаются в грозе. – Она изогнула бровь. – Да, и прежде чем ты начнешь анализировать, можно ли считать нас подругами и хорошо ли мы знакомы, знай, я искренне считаю тебя своей подругой. – Она помолчала, давая Кэти время переварить услышанное, и заговорила снова: – Ну что, давай по бокалу?

* * *

Гроза утихла ближе к вечеру, и Кэти открыла кухонное окно. Дождь принес ощутимую прохладу, и воздух был свеж и чист. С земли поднимался туман. Тучи беззвучно сталкивались в небе в большие горы, но ветер уносил их прочь. Лунный свет почти через равные промежутки сменялся густой тенью. Кроны деревьев становились то серебристыми, то черными, словно светясь под вечерним бризом.

В самом мечтательном настроении Кэти упивалась вином, ветерком и красивым смехом Джо, смакуя каждый крекер с маслом и резкий сочный сыр и вспоминая, как ей приходилось голодать. Было время, когда от голода она была тонкой, как горячая струйка выдувного стекла.

Мыслями она унеслась далеко-далеко. Ей вспоминались родители. В хорошие дни, когда их демоны спали, а мама жарила яичницу с беконом и аромат наполнял весь дом, папа тут же появлялся в кухне, подходил к жене, отодвигал ее волосы и целовал в шею сбоку, а мама смеялась от щекотки. Однажды отец возил их в Геттисберг и держал Кэти за руку, гуляя по городу. Она до сих пор помнит непривычное ощущение силы и нежности отцовской руки. Отец у нее был высокий, широкоплечий, темноволосый, с флотской татуировкой на плече. Он четыре года служил на эсминце и побывал в Японии, Корее и Сингапуре, но, кроме этого, ничего не рассказывал.

А мама, миниатюрная блондинка, участвовала однажды в конкурсе красоты и дошла до третьего тура. Она любила цветы и весной сажала луковицы в керамические вазоны, которые выставляла во двор. Тюльпаны и нарциссы, пионы и фиалки полыхали столь яркими красками, что у Кэти резало глаза. Когда они переезжали, вазоны ехали на заднем сиденье, пристегнутые ремнями безопасности. Часто во время уборки мама напевала мелодии своего детства – польские песенки, а Кэти слушала, притаившись в соседней комнате, и пыталась понять их смысл.

Вино, которое пили Джо и Кэти, хранило чуть заметный привкус дубовой бочки и абрикосов и было очень вкусным. Кэти допила свою чашку до дна, и Джо налила ей еще. Когда к лампе над раковиной прилетел мотылек, обе женщины начали смеяться, наблюдая за его сумбурным, дерганным полетом. Кэти нарезала еще сыра и добавила крекеров на тарелку. Они говорили о кино, о книгах, и Джо ахнула от радости, услышав, что любимый фильм Кэти – «Эта прекрасная жизнь», и сообщила, что разделяет ее вкусы.

В детстве, вспомнилось Кэти, она просила у матери колокольчик – помочь ангелам обрести крылышки. Она допила вторую кружку вина, чувствуя себя перышком на летнем ветру.

Джо задавала мало вопросов. Словно сговорившись, они придерживались самых общих тем, и Кэти вновь подумала, что ей очень нравится дружить с Джо. Когда мир за окнами залило серебристое сияние, женщины вышли на террасу. Кэти чуть пошатывало, и она взялась за перила. Мелкими глотками подруги пили вино, тучи продолжали рваться, и вдруг все небо оказалось чистым и звездным. Кэти показала Большую Медведицу и Полярную звезду – единственное, что знала, но эстафету подхватила Джо, с ходу назвав десятки других звезд и созвездий.

дий. Кэти во все глаза рассматривала ночное небо, удивляясь, как много знает соседка, пока не вслушалась в ее болтовню.

– Вон та называется Элмер Фадд, а прямо над той сосной можно различить Даффи Дакка...

Тут до Кэти дошло, что Джо тоже не знает астрономии, а соседка рассмеялась, как шаловливая девчонка.

Когда они вернулись к столу, Кэти разлила по кружкам все, что осталось в бутылке, и сделала глоток. В горле стало тепло, голова закружилась. Мотылек по-прежнему вился вокруг лампы, хотя теперь Кэти казалось, что там два мотылька. Ей было хорошо и спокойно, и она подумала, что вечер выдался прекрасный, что у нее есть настоящая подруга, которая красиво смеется и в шутку притворяется знатоком звездного неба. Но сама Кэти не знала, смеяться или плакать, потому что очень давно не чувствовала себя так легко и естественно.

– С тобой все нормально? – спросила Джо.

– Отлично, – заверила Кэти. – Я как раз подумала: как хорошо, что ты зашла.

Джо внимательно посмотрела на нее:

– По-моему, ты наклюкалась.

– По-моему, ты права, – согласилась Кэти.

– Так... Чем же ты займешься? Тебя тянет на подвиги?

– Не понимаю.

– Ну, ты не хочешь съездить в город поразвлечься?

Кэти покачала головой:

– Нет.

– Не жалуешь людных мест?

– Мне лучше одной.

Поводив пальцем по краю кружки, Джо сказала:

– Поверь мне, в одиночку никому не лучше.

– Мне лучше.

Джо подумала над ответом Кэти и подвинулась ближе.

– То есть ты хочешь сказать, что при наличии еды, крыши над головой, одежды и всего необходимого ты, скорее, согласилась бы доживать жизнь на необитаемом острове в полном одиночестве? Скажи честно!

Кэти моргнула, чтобы Джо перестала расплываться.

– А почему ты думаешь, что я солгу?

– Лгут все, это часть жизни в социуме. Не подумай чего, но я считаю это необходимым. Меньше всего человек хочет жить в обстановке абсолютной честности. Представляешь обмен мнениями? Один скажет: «Ты толстый коротышка», а другой: «А от тебя воняет». Так жить невозможно, поэтому люди все время лгут умалчиванием, говоря полуправду. А я по опыту знаю: то, что остается за кадром, как раз самое важное и есть. Люди скрывают правду из страха.

При этих словах Кэти показалось, что невидимый палец коснулся ее сердца. Ей вдруг стало трудно дышать.

– Это ты обо мне? – хрипло спросила она.

– Не знаю. А что, похоже?

Кэти почувствовала, что бледнеет, но прежде чем она успела ответить, Джо улыбнулась:

– Вообще-то я о моем сегодняшнем дне. Я говорила, что умоталась? Так вот, сегодня основная трудность заключалась в умалчивании. Просто руки опускаются, когда люди не говорят правды. Как прикажешь поправлять ситуацию, если человек скрывает истину?

В груди Кэти словно лег тяжелый камень.

– Может, они не прочь рассказать, но знают, что ты ничем не можешь помочь, – прошептала она.

– Чем-то всегда можно помочь.

В лунном свете, заливавшем кухню, кожа Джо светилась ослепительной белизной. Кэти подумала, что соседка совсем не бывает на солнце. От выпитого вина комната медленно кружилась, а стены выгибались. Почувствовав на глазах влагу, Кэти заморгала, прогоняя слезы. Во рту пересохло.

– Не всегда, – шепотом возразила она, глядя в окно. В небе низко над деревьями висела луна. Кэти проглотила комок в горле. Ей вдруг показалось, что она видит себя со стороны, из дальнего угла комнаты, сидящей за столом напротив Джо, и когда она заговорила, собственный голос показался ей чужим.

– У меня была подруга. Она очень неудачно вышла замуж и не могла никому открыться. Он ее бил. После первого случая она сказала – еще раз, и она уйдет. Он клялся, что это не повторится, и она поверила. Но чем дальше, тем становилось хуже – если, ну там, обед холодный или на чашку кофе зашел сосед, гулявший с собакой. Они всего-навсего поболтали, но в тот вечер муж швырнул ее на большое зеркало.

Кэти смотрела в пол. Линолеум по углам отклеился, она не знала, чем его прижать. Пробовала клей, но по углам клей не держал, углы по-прежнему закручивались.

– Он всякий раз извинялся, иногда даже плакал при виде синяков, которые оставались от ударов на ее руках, ногах, спине. Он признавал, как ужасно то, что он сделал, но тут же добавлял, что она это заслужила. Что будь она внимательнее, этого бы не случилось. Что если бы она слушала ушами или не была такой дурой, он бы не потерял терпение. Она пробовала подстроиться, старалась быть хорошей женой и поступать так, как хотел он, но ее стараний всегда оказывалось недостаточно.

Глаза больно давило изнутри, и как ни пыталась Кэти сдержать слезы, они все-таки потекли по щекам. Джо сидела неподвижно, глядя на подругу, не делая ни малейшего движения.

– А ведь она его любила! Вначале он был с ней очень нежен. С ним ей было надежно. В вечер их знакомства по дороге с работы за ней увязались двое. Когда она свернула за угол, один схватил ее и зажал рот ладонью, и хотя она старалась вырваться, силы были слишком неравны. Неизвестно что могло бы случиться, не пояись из-за того же угла ее будущий муж. Он ударил одного из нападавших по шее сзади – тот мешком повалился на землю, другого с силой приложил о стену, и ситуация перестала быть опасной. Вот так, за несколько секунд. Потом помог ей подняться, проводил до дома, а на следующий день пригласил на кофе. Он был добр, обращался с ней как с принцессой – до самого медового месяца.

Кэти считала, что не стоит рассказывать этого Джо, но не могла остановиться.

– Моя подруга дважды пыталась сбежать. В первый раз она вернулась сама, потому что не знала, куда идти. А во второй раз, когда ей казалось, что она наконец свободна, он выследил ее и приволок обратно, избил, приставил пистолет к голове и сказал, что если еще раз убежит – убьет, и любого ее хахалю пристрелит. Она поверила, потому что уже знала: он сумасшедший. Но она оказалась в безвыходном положении. Он не давал ей денег, не выпускал из дома. Днем приезжал с работы убедиться, что она никуда не делась. Проверял все звонки, названивал каждые полчаса, не позволил ей получить водительские права. Однажды, проснувшись ночью, она увидела, что он стоит у кровати и смотрит на нее. Он был пьян и держал в руке пистолет. Она слишком боялась что-нибудь сказать и просто попросила его лечь спать. Но с того момента она больше не сомневалась, что рано или поздно муж ее убьет.

Кэти вытерла глаза скользкими от соленых слез пальцами. Она задыхалась, но слова вырывались сами:

– Она начала красть деньги из его бумажника. Не больше доллара-двух, иначе бы он заметил. Обычно он запирает свой бумажник на ночь в сейф, но иногда забывал. У нее ушла масса времени на подготовку к побегу... Да, к побегу, потому что надо было бежать. Уехать

туда, где он ее не найдет, потому что искать ее он не перестанет, а обратиться ей не к кому: родителей нет, а полиция ничего не сделает. А если он что-нибудь заподозрит, ей не жить. Поэтому она крада деньги и подбирала монеты, найденные под диванными подушками и в стиральной машине. Она прятала деньги в пакете под цветочным вазоном во дворе, и всякий раз, когда он выходил из дома, ей казалось, что вот сейчас он обнаружит ее тайник. Она долго, чудовищно долго копила деньги, потому что ей нужна была достаточная сумма, чтобы уехать как можно дальше. Чтобы ее не нашли. Чтобы начать новую жизнь...

Кэти не поняла, что случилось, но вдруг оказалось, что Джо держит ее за руку, и она уже не видит себя со стороны словно от дальней стены. Почувствовав соль на губах, Кэти вяло подумала: это из нее вытекает душа. Ей ужасно хотелось спать.

В наступившей тишине Джо по-прежнему смотрела ей в глаза.

– Твоя подруга на редкость смелый человек, – тихо сказала она.

– Нет, – покачала головой Кэти. – Она боялась днем и ночью.

– В этом и заключается храбрость. Не будь она напугана, ей бы и не понадобилось проявлять мужество. – Она слегка пожала руку Кэти. – Я восхищаюсь ее поступком. Хорошо, что ты мне о ней рассказала.

Кэти отвела взгляд, чувствуя себя опустошенной.

– Зря я разоткровенничалась...

Джо пожала плечами.

– Не стоит беспокоиться, я умею хранить чужие тайны. Особенно секреты тех, с кем я никогда не встречалась, верно?

Кэти кивнула.

– Да.

* * *

Джо просидела у Кэти еще час, переведя беседу на нейтральную почву. Кэти рассказала о работе в «Айвенз» и кое о ком из завсегдатаев. Джо поинтересовалась, как вычистить краску из-под ногтей. Головокружение от выпитого понемногу прошло, уступив место всепоглощающей усталости. Джо тоже начала позевывать и в конце концов встала из-за стола. Она помогла навести порядок, хотя убирать особо было нечего – так, пару тарелок вымыть, и вскоре Кэти проводила ее до двери.

Спустившись со ступенек, Джо вдруг остановилась.

– Похоже, у нас был гость, – сказала она.

– Что? Какой гость?

Кэти вышла за ней. За пределами светового круга от фонаря царил темнота. Острые верхушки сосен напоминали зазубренные края черной дыры. Светляки, подражая звездам, вспыхивали и мигали. Кэти напрягла глаза, пригляделась и увидела, что Джо не ошиблась.

– Чей это велосипед? – спросила она.

– Не знаю.

– Ты слышала, чтобы кто-то подъезжал?

– Нет. Это, по-моему, тебе оставлено. На руле-то бант!

Кэти, прищурившись, тоже разглядела бант. Дамский велосипед с проволочными корзинами – одной спереди и двумя сзади. С сиденья свисала цепь, а в замок был вставлен ключ.

– Кто мог привезти мне велосипед?

– Меня-то зачем спрашивать? Я не больше твоего знаю!

Они подошли. Лужи заметно уменьшились – вода впиталась в песчаную почву, но трава была еще влажной, и туфли сразу промокли. Кэти провела рукой по рулю, потрогала бант, потерев матерью пальцами, словно торговка тканями. Под бантом нашлась карточка.

- Это от Алекса, – ошеломленно сказала она.
- От Алекса из магазина или другого Алекса?
- Из магазина.
- А что там?

Кэти потрясла головой, не в силах уловить смысл происходящего, и протянула карточку, на которой было написано: «Я тут подумал: вдруг вам понравится».

Джо постучала пальцем по карточке:

- Значит, он интересуется тобой не меньше, чем ты им.
- Я им не интересуюсь!
- Ну нет, конечно, – подмигнула Джо. – С какой вдруг стати?

8

Алекс подметал пол возле холодильников, когда в магазин вошла Кэти. Он сразу понял: пришла с утра пораньше, чтобы поговорить с ним о велосипеде. Оставив щетку, Алекс заправил выбившуюся рубашку и провел пятерней по волосам. Кристен ждала свою новую подругу все утро и подбежала к ней, не успела за ней закрыться дверь.

– Мисс Кэти, здрасте! Вы велосипед видели?

– Да, – сказала Кэти. – Поэтому я и пришла.

– Мы старались изо всех сил!

– Ну что ж, получилось очень красиво. А где твой папа?

– Папа вон там, – указала девочка. – Он уже идет.

Алекс увидел, как Кэти повернулась в его сторону.

– Привет, – поздоровался он.

Кэти сложила руки на груди:

– Выйдем на минуту?

Услышав холодные нотки в ее голосе, Алекс понял – Кэти сдерживается, чтобы не сорваться при Кристен.

– Конечно, – сказал он, распахнул дверь и пропустил Кэти вперед, невольно восхитившись ее фигурой. Девушка направилась к велосипеду.

Остановившись, она повернулась к нему лицом. В передней корзине велосипеда Алекс увидел зонт, который одолжил ей накануне. Кэти похлопала по сиденью.

– Не подскажите, как это понимать?

– Понравился?

– Почему вы мне его купили?

– Я вам его не покупал.

Кэти растерянно заморгала.

– Но в вашей записке...

– Он у меня в сарае два года пыль собирает. Покупать вам велосипед мне бы и в голову не пришло.

Ее глаза сверкнули.

– Дело не в этом! Вы мне постоянно что-то дарите, пора остановиться! Мне от вас ничего не нужно. Ни зонта, ни овощей, ни вина... Ни велосипеда!

– Ну так выбросьте его, – пожал плечами Алекс. – Мне он тоже не нужен.

Кэти замолчала. Замешательство на ее лице сменилось огорчением, затем безнадежностью. Покачив головой, она двинулась прочь, но не успела сделать и шага, как Алекс, кашлянув, сказал:

– Пока вы не ушли, окажите мне честь – выслушайте мои объяснения.

Она бросила через плечо:

– Не нужно ничего объяснять.

– Вам не нужно – пускай, но это нужно мне.

Обернувшись, она посмотрела ему в глаза, не зная, на что решиться, и со вздохом опустила взгляд. Алекс галантно показал на скамью у входа. В свое время он поставил ее между генератором льда и стойкой для баллонов с пропаном что называется для красоты – кому захочется сидеть и смотреть на парковку? Но к его удивлению, лавка почти никогда не пустовала. Просто сейчас время было еще раннее.

Кэти и Алекс сели. Алекс обхватил колено, переплетя пальцы.

– Я не лгал, сказав, что он пылится в сарае уже пару лет. Это велосипед моей жены. Она обожала кататься. Однажды даже доехала до Уилмингтона, но, естественно, устала, я ездил ее

забирать, хотя присмотреть за магазином было некому. – Он помолчал. – Это была ее последняя поездка. В ту же ночь случился первый приступ, Карли забрали в больницу. Болезнь быстро прогрессировала, Карли становилось хуже и хуже. Больше она на велосипед не садилась. Я убрал его в гараж, но стоило взглянуть на него, сразу вспоминалась та ужасная ночь. – Он сел прямее. – Давно нужно было кому-нибудь отдать, но я не хотел, чтобы на нем пару раз прокатились и забросили. Я мечтал, чтобы кто-то любил этот велосипед так же, как моя жена, и часто пользовался. Карли сама бы так хотела. Если бы вы ее знали... Вы окажете мне услугу, приняв велосипед.

Кэти ответила мягче:

– Я не могу взять велосипед вашей жены.

– Все-таки хотите вернуть?

Когда она кивнула, Алекс сгорбился, поставив локти на колени.

– Мы с вами похожи больше, чем может показаться на первый взгляд. На вашем месте я бы поступил точно так же. Вы не хотите быть кому-то обязанной. Стараетесь доказать себе, что можете прожить и без помощи, да?

Кэти открыла рот, но ничего не сказала. Алекс продолжал:

– Потеряв жену, я тоже так себя вел. Долго держался. Люди заходили в магазин, говорили мне: звони, если что понадобится. Большинство горожан знают, что у меня здесь нет родственников, все хотели как лучше, но я ни разу ни у кого не попросил помощи. Это не в моем обычае. Даже в случае нужды я не мог попросить, но чаще просто не знал, что мне нужно. Я только чувствовал, что дошел до последней черты, и, если продолжать метафору, долгое время рисковал сорваться в любую минуту. Ну представьте, на меня в одночасье свалилась забота о двух малышах и магазин никуда не делся, а дети были меньше и требовали больше внимания, чем сейчас. Но однажды пришла Джойс. – Алекс посмотрел на Кэти. – Видели Джойс? Она работает несколько раз в неделю, в том числе по воскресеньям, такая пожилая, со всеми разговаривает? Джош и Кристен ее обожают.

– Нет, я ее не знаю.

– Ну, не важно. В общем, она пришла однажды часов в пять вечера и с порога заявила, что присмотрит за детьми, пока я буду отлеживаться на пляже. Она уже купила мне место и сказала, что выбора у меня нет, потому что слепому видно – я на грани нервного срыва.

Алекс сжал пальцами переносицу, стараясь заглушить воспоминания.

– Сначала я расстроился: как же так, это же мои дети, и какой я получаюсь отец, если люди считают, что я не справляюсь? Но в отличие от других Джойс не просила меня звонить в случае чего. Она знала, каково мне, поэтому пришла и начала делать то, что считала правильным. Не успел я опомниться, как уже ехал на пляж. Джойс оказалась права. Первые пару дней я был никакой, но потом стал гулять, подолгу ходить пешком, читал, отсыпался... И почувствовал, что стресс наконец-то начал отступать...

Он замолчал, ощутив на себе пристальный взгляд.

– Зачем вы мне это рассказываете?

Он повернулся к Кэти:

– Мы оба понимаем: спроси я, нужен ли вам велосипед, вы бы отказались. Поэтому я, как Джойс, проявил инициативу и сделал то, что считал правильным. Жизнь меня научила – нет ничего страшного в том, чтобы иногда принять помощь. – Он кивнул на велосипед. – Берите. У нас им некому пользоваться, а вы скоро поймете, насколько легче добираться на работу и домой.

Спустя некоторое время плечи Кэти расслабились, и она, криво улыбаясь, повернулась к Алексу:

– Долго репетировали эту речь?

– Долго, – с притворной робостью ответил он. – Возьмете велосипед?

Поколебавшись, она ответила:

– Велосипед – это здорово. Спасибо вам.

Они долго молчали. Любуясь правильным профилем девушки, Алекс снова отметил, как она красива. Сама Кэти, казалось, так не считала, но это лишь добавляло ей красоты.

– Пожалуйста, – сказал он наконец.

– Но больше никакой благотворительности, о'кей? Вы уже сделали для меня более чем достаточно.

– Справедливо. – Алекс опять кивнул на велосипед. – Ездит нормально? С корзинами, я имею в виду?

– Очень даже. А что?

– Кристен и Джош помогали мне их прикреплять. Это я им вчера нашел занятие для плохой погоды. Корзины выбрала Кристен. Она настаивала, что вам необходимы и искрящиеся ручки для руля, но я решил ограничиться корзинами.

– Ох, я бы не отказалась от искрящихся ручек.

Он засмеялся.

– Я передам Кристен.

– У вас очень хорошо получается с детьми... – сказала Кэти запинаясь.

– Спасибо.

– Я серьезно. Я знаю, как это трудно.

– Ну, такое уж свойство у жизни. Большей частью жить вообще трудно. Нужно с этим мириться. Понимаете, о чем я?

– Кажется, понимаю, – отозвалась Кэти.

Дверь магазина открылась. Нагнувшись, Алекс увидел Джоша, оглядывающего парковку, и Кристен, стоящую за спиной брата. Каштановыми волосами и карими глазами Джош напоминал мать. На голове у него был полный ералаш и стало ясно – мальчик только что поднялся с постели.

– Сюда, ребята!

Джош почесал в затылке и поплелся к отцу. Кристен просияла, увидев Кэти.

– Пап! – начал Джош.

– Да?

– Мы хотим спросить, мы пойдем на пляж? Ты обещал нас повезти.

– Ну да, таков наш план.

– А мы гриль возьмем?

– Конечно.

– Хорошо, – сказал Джош и почесал нос. – Здравствуйте, мисс Кэти.

Кэти помахала Джошу и Кристен.

– Вам понравился велосипед? – выпалила малышка.

– Да, спасибо всем вам большое.

– Я помогал папе его чинить, – сообщил Джош. – Он не очень умеет сам с инструментами. Кэти посмотрела на Алекса, сдерживая смех.

– Надо же, а он об этом не говорил.

– Ничего, я все починил. Он только новую камеру помог накачать.

Кристен не отрывала глаз от Кэти.

– А вы тоже на пляж поедете?

Девушка выпрямилась на скамье.

– Да нет, наверное.

– Почему? – тут же спросила девочка.

– Наверное, мисс Кэти работает, – объяснил Алекс.

– Нет, мне нужно кое-что сделать по дому, – призналась Кэти.

– Тогда вы должны поехать с нами! – закричала Кристен. – Это очень весело!

– Но вы же настроились побыть с папой, – возразила Кэти. – Я вовсе не хочу мешать.

– А вы не будете мешать! Это, правда, весело! Увидите, как я плаваю! – упрашивала Кристен.

Алекс молчал, не желая давить со своей стороны. Он ожидал, что Кэти откажется, и удивился, когда она чуть заметно кивнула.

– Ну ладно, – мягко сказала она.

9

Приехав из магазина, Кэти поставила велосипед за коттедж и пошла переодеваться. Купальника у нее не было, да она бы и не надела. В юности она без всякого смущения ходила перед незнакомыми людьми в трусах и лифчике, но получилось бы неловко, появившись она в чем-то подобном перед Алексом и его детьми. Да и без детей тоже.

Несмотря на свои решительные возражения, Кэти не могла не признать, что Алекс ее заинтриговал. Не трогательными знаками внимания, но появлявшейся иногда печальной улыбкой, выражением лица, с которым он рассказывал о своей жене, тем, как он общался с детьми. В нем чувствовалось одиночество, которое не удавалось скрыть, и Кэти казалось, что в чем-то они похожи.

Она чувствовала, что Алекс к ней неравнодушен. Кэти достаточно прожила на свете, чтобы угадывать повышенное мужское внимание, когда продавец без причины становился очень разговорчивым, или незнакомец провожал ее взглядом, или официант в ресторане то и дело подходил к ее столику. Со временем она научилась притворяться безразличной или становилась презрительной и пренебрежительной, зная, что ее ждет в противном случае. Потом. Когда они с мужем приедут домой. Когда она останется с ним наедине.

«Но прежняя жизнь осталась в прошлом», – напомнила она себе.

Открыв ящики комода, Кэти достала шорты и босоножки, купленные в «Анна джинс». Вчера посиделки с подружкой, а сегодня пляж с Алексом и его детьми. Обычные события обычной жизни плохо укладывались в голове, словно Кэти осваивала обычаи чужой страны. К приподнятому настроению примешивалась настороженность.

Едва она оделась, как по гравию зашуршали покрышки. Кэти глубоко вздохнула, когда джип остановился у коттеджа. «Сейчас или никогда», – подумала она выходя.

– Вам надо пристегнуться, мисс Кэти, – сказала Кристен с заднего сиденья. – Папа не поедет, если вы без ремня.

Алекс покосился на Кэти, словно спрашивая: «Ну что, вперед?» Она улыбнулась самой смелой улыбкой.

– О'кей, – сказал он. – Поехали.

* * *

До Лонг-Бич, прибрежного поселка с домиками с асимметричными крышами (потому что по фасаду было два этажа, а сзади – один) и бескрайними океанскими просторами, они доехали меньше чем за час. Алекс въехал на маленький паркинг у самых дюн. Рядом под сильным морским бризом покачивалась меч-трава. Кэти вышла на песок и, дыша полной грудью, жадно смотрела на океан.

Дети, выбравшись из джипа, сразу направились к тропинке между дюнами.

– Я воду попробую, пап! – крикнул Джош, держа в руках маску и трубку.

– Я тоже! – подхватила Кристен.

Алекс разгружал багажник.

– Подождите, – повысил он голос. – Подождите, слышите?

Джош остановился, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу.

Алекс принялся вытаскивать сумку-холодильник.

– Вам помочь? – спросила Кэти.

Он покачал головой.

– Нет, с этим я справлюсь, а вот не могли бы вы намазать их кремом от солнца и пару минут за ними присмотреть? Им не терпится к воде.

– Да, конечно. – Кэти повернулась к детям. – Готовы?

Следующие несколько минут Алекс носил вещи из машины и разбивал лагерь возле ближайшего к дюнам стола для пикника, куда не добирался высокий прилив. Здесь отдыхали и другие семьи, но сейчас эта часть пляжа принадлежала им. Кэти сбросила босоножки и бродила по кромке воды, а дети плескались на мелководье. Даже издали Алекс разглядел на ее лице редкое выражение полного удовлетворения.

Перебросив через плечо пару полотенец, он направился к ней.

– Словно и не было вчерашней грозы, правда?

Она обернулась на голос.

– Я и забыла, как сильно соскучилась по океану.

– Не получалось приезжать?

– И очень долго, – подтвердила она, слушая мерный шум ласковых волн, накатывавшихся на берег.

Джон бегал то за волной, то от нее, а Кристен, присев на корточки, искала ракушки для своей коллекции.

– Наверное, трудно растить их одному? – вдруг спросила Кэти.

Алекс ответил не сразу, странно мягким голосом:

– В основном справиться можно. У нас сложился определенный порядок, вроде расписания на каждый день. Такие вылазки мы совершаем, когда монотонность начинает утомлять. – Мыском он выбрасывал песок из маленькой ямки. – Когда мы с женой обсуждали, не родить ли третьего, она предупреждала, что тогда придется перейти от личной защиты к зональной обороне. Шутила, что я еще не той квалификации. А сейчас мне приходится защищать свою зону каждый день... – Он замолчал и покачал головой. – Извините.

– За что?

– Всякий раз я свожу наш с вами разговор к рассказам о моей жене.

В первый раз Кэти повернулась к нему.

– А почему о ней не надо говорить?

Он разровнял песчаный холмик, возя ногой взад-вперед; засыпал свежую ямку.

– Не хочу создавать впечатление, что я не способен говорить ни о чем другом. Что я живу прошлым.

– Вы ее очень любили?

– Да, – ответил Алекс.

– Тогда вспоминать о ней совершенно естественно, – сказала Кэти. – Вы должны о ней говорить. Она – часть вас теперешнего.

Алекс благодарно улыбнулся, но не нашелся с ответом. Кэти словно прочла его мысли и спросила осторожно:

– А как вы познакомились?

– Не поверите – в баре. Она пришла с подружками праздновать чей-то день рождения. Было жарко, людно, освещение тусклое, музыка громкая. Карли... очень выделялась. Ее подружки были навеселе и разошлись вовсю, а она сохраняла великолепное равнодушие.

– И наверняка сияла красотой.

– Само собой, – подтвердил Алекс. – Я притворился, что не волнуюсь, подошел и применил весь, до последней унции, наличный шарм.

Он заметил, что Кэти сдерживает улыбку. В уголках губ появились крохотные ямочки.

– И? – спросила она.

– За три часа добился только имени и номера телефона.

Кэти засмеялась:

– Дайте догадаться: на следующий день вы позвонили и пригласили ее куда-нибудь?

– Откуда вы знаете?

– Стандартная схема.

– Вы говорите как женщина, за которой многие ухаживали.

Она пожала плечами, никак не отреагировав на такой вывод.

– А потом?

– Для чего вам это слушать?

– Не знаю, – призналась она. – Хочется.

Некоторое время Алекс пристально смотрел на нее и наконец сказал:

– По крайней мере честно. Ну ладно. Как вы чудесным образом угадали, я пригласил ее на ленч, и мы проговорили до вечера. В тот день я сказал ей, что однажды мы поженимся.

– Шутите?

– Она, кстати, тоже приняла меня за чокнутого, а я просто знал, и все. Карли была красива, добра, у нас было много общего, одинаковые жизненные ценности. Она любила посмеяться и умела рассмешить. Признаться, от нашего союза больше выиграл я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.